ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

ГАЛУШКО ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ДОГМАТИКИ

АННОТАЦИЯ: *В статье анализируется процесс формулирования тринитарного и христологического догматов в доникейский период и период Вселенских соборов с логической (философской) и лингвистической точек зрения, как неразрывно связанных между собой*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *сущность, природа (бытие), ипостась, лицо (личность), единосущный, воипостазированный*

Культура для человека является «второй реальностью» и чтобы в ней разобраться, нужно проанализировать метаязык культуры, прежде всего ее ключевые термины, такие, как «истина», «бытие», «сущность» и др. Эти понятия существуют в любом языке и актуальны для каждого человека.

Каждое понятие «говорит» особым языком. Как заметил А.Бергсон в работе «Опыт о непосредственных данных сознания» - какой-либо объект с течением времени воспринимается и понимается по-разному; а Клод Моне словно бы для иллюстрации этого написал целую серию картин «Руанские соборы», изображая единственный Руанский собор. Такой «частный язык» располагает характерным для него синтаксисом, своим - - ограниченным и устойчивым - лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией, риторикой и шаблонами, своей областью референции для каждого термина. Такого рода язык и открывает доступ к соответствующему понятию. Данными описаниями «частных языков» для интерпретации концептов пользовались многие философы. Лингвисты обращались к ним реже. Между тем существует мнение, что «лингвисты могут более профессионально разработать его методику, определить ее возможности» (12, с. 3).

История логического анализа языка в Европе восходит к трудам Аристотеля и стоиков. В современной литературе установилось некоторое разделительное отличие логического анализа языка от сублогического анализа. Последний еще иначе определяется как семиотический анализ. Название «сублогический» анализ было введено Л.Ельмслевом в его знаменитой работе «Категория падежей» (17) и использовалось Э.Бенвенистом (так он назвал свою статью о системе предлогов в латинском языке (3) и Ю.К.-Лекомцевым (11). По мнению Ю.С.Степанова, синтез этих двух типов анализа (логического и сублогического) должен быть ближайшей целью (16, с. 67).

Если «логический» анализ оперирует материалом высказываний и, в меньшей степени, лексем, то «сублогический» анализ обращен в первую очередь на грамматическую семантику. По этой причине, а также потому, что партиципация составляет как бы субстрат логических отношений («подложена под них»), и был введен термин «сублогический».

Человеческое мышление реализуется не только и даже не столько в отдельных предложениях, сколько в их связях, образующих как сложные предложения, так и некие «сверхфразовые единства», представляющие собой более крупные по сравнению с изолированными предложениями и вполне устоявшиеся в языках различной типологии языковые построения, в основе которых лежат определенные мыслительные стереотипные формы.

Если формы мысли (предмет науки логики) можно понимать как типы структур, типы связей элементов друг с другом, то они должны быть выражены теми языковыми средствами (языковыми построениями, формами языка), которые имеют функции обозначать отношения и связи элементов языка и элементов мысли, то есть выражать логические связи. Поскольку в языке фиксируется вся совокупность знаний об окружающем мире, то в нем фиксируются и логические связи, представляющие в конечном счете опосредствованное отражение связей действительности.

Язык, таким образом, выражает не только конкретные по содержанию мысли, но и закрепляет логику мышления: через язык мы открываем логику мышления.

Пожалуй, первым лингвистическим сочинением о проблемах взаимоотношения языка и мышления в новое время была «Универсальная и рациональная грамматика Пор-Рояля», написанная аббатом монастыря Пор-Рояль под Парижем логиком А.Арно и

лингвистом К.Лансло, которую по традиции называют просто «Грамматика Пор-Рояля». Эта грамматика представляет собой попытку научно объяснить строение и функционирование языка, представленного в многообразии всех конкретных языков мира, попытку вскрыть их единство, указать на специфические проявления одних и тех же структур в каждом конкретном языке. Она стремится построить всеобъемлющую грамматическую систему на основе обобщения фактов ряда конкретных языков. Тем самым «Грамматика Пор-Рояля» кладет первый камень в фундамент общего языкознания как научной дисциплины (1, с. 57-68).

Авторы «Грамматики Пор-Рояля» считают, что изучить язык и написать его грамматику можно лишь тогда, когда мы постигнем способы отражения в языке всех логических категорий. Так как логические категории считаются категориями всеобщими, свойственными всем нациям, то всеобщими считаются и соответствующие им языковые категории, независимо от каждого национального языка. Следовательно, все национальные языки имеют одни и те же категории: если их нет, значит, они еще не найдены. Тем самым был сделан первый шаг к поиску языковых универсалий, то есть таких свойств языка, которые обнаруживаются в любом языке, характеризуют язык как таковой, рассматриваются как категории универсальной (всеобщей, логической, философской) грамматики.

Классическая «Грамматика Пор-Рояля» открывает новую страницу в истории языкознания. Она положила начало логическому исследованию языка, впервые формулирует предмет лингвистического исследования, особенно в плане общей теории языка, общего языкознания, сравнительного языкознания. В «Грамматике Пор-Рояля» подчеркивается, что язык «изобретен» человеком в соответствии с его мышлением, и все формы языка соответствуют формам и проявлениям разума. Язык - это реализация, воплощение мысли. Все в языке соответствует мысли как оригиналу и отражает ее в своих формах. Логика, для которой разум является нормативным началом, есть «искусство мыслить», а грамматика, в которой разум имеет сопутствующий характер, есть «искусство говорить». В зависимости от потребностей мышления и в связи с его законами в грамматику, в язык вводятся все необходимые для этого части речи и синтаксические правила.

По мнению авторов «Грамматики Пор-Рояля», все в языке подчинено логике и целесообразности. Поэтому основная задача научной грамматики состоит в том, чтобы сформулировать законы и принципы, обеспечивающие достижение истинного знания при изучении всех языков мира или любого отдельного языка. Это возможно, по мнению авторов грамматики, лишь при выявлении тех путей и способов, какими отражаются в языках мыслительные акты. По своему внутреннему содержанию все языки совпадают: это их логическая основа. Эта внутренняя структура абстрактна. Это как бы модель, которая реализуется уже в конкретном речевом высказывании, причем в разных языках - по-разному, то есть универсальные правила языка отражают те закономерности, которые лежат в основе речевого мышления.

Таким образом, авторы «Грамматики Пор-Рояля», исходя из логики, то есть категорий мышления, с одной стороны, и из грамматики, то есть языковых факторов, с другой стороны, сделали попытку вывести систему соответствий между двумя структурами - логической и грамматической, в одной из которых существуют категории и законы мышления, в другой - категории и законы языка. Поскольку законы логики, как они пишут, едины для всего человечества, то для всех языков существуют единые фундаментальные правила функционирования грамматического строя. Поэтому в любом другом языке мы встретим те же правила, те же закономерности, что, однако, не исключает специфики каждого отдельного языка. Поэтому для «Грамматики Пор-Рояля» все конкретные языки представляются как бы различными видоизменениями некоей универсальной языковой системы, совпадающей в своих фундаментальных чертах с логической схемой, универсальной для всего человечества.

Некоторые лингвисты считают, что представители «логицизма» отождествили грамматический строй языка с логическим строем мысли, причем исходным была логика, а не грамматика, как у Аристотеля.

Со временем было наложено вето на использование логики в исследованиях языка. Вот что писал Й.Рис: «Логика стала своего рода пугалом, так что некоторые боязливые грамматисты не осмеливались даже упоминать это слово, боясь прослыть отсталыми» (18, с. 27).

Некоторые исследователи стали писать, что язык не ближе к логике, чем любая другая наука. Как писал Х.Штейнталь, «языковые и логические категории являются несовместимыми понятиями, они соотносятся друг с другом так же, как понятия круга и красного» (19, с. 221-222). Этот скептицизм лингвистов, по мнению Г.Я.Солганика, побудивший лингвистов обратиться к психологии, объясняется неудовлетворительной разработкой многих важнейших вопросов логики, статичностью, неподвижностью форм мысли в интерпретации формальной логики (15, с. 24).

От нормативной логики, как пишет М.Н.Правдин, стремились освободиться лингвисты психологического направления, выплескивая из ванны вместе с водой и ребенка - логику в целом (13, с. 11-12).

По отношению к языкознанию логика стоит после языка языкознания, являясь таким образом, логическим метаязыком языка языкознания. В.А.Звегинцев справедливо пишет: «Задача логики заключает-

ся в том, чтобы выяснить природу отношений между языковыми выражениями и предложениями и установить правила для установления того, выдерживается предписанная в данном случае процедура или нет. При решении этого вопроса логик не обращается к объектам, описываемым предложением. Он интересуется лингвистической формой, а не ее содержанием, что, разумеется, не препятствует интерпретации содержания...» (9, с. 20).

Психологизм в языкознании - по-видимому, необходимый исторический этап. Но психологизм уже давно превратился в тормоз дальнейшего развития языкознания: концепция «психологизма» вошла в противоречие с сегодняшней потребностью языкознания - необходимостью вновь, но теперь уже на новом, более высоком научном уровне исследовать соотношение языка и логики. Поэтому не случайно возобновление логического подхода к языку (в частности с 1989 г. выходит серия лингвистических исследований - «Логический анализ языка»). Некоторые лингвисты даже считают, что связь языка и логики - основное направление в лингвистике в течение ближайших десятилетий. Например, У.Вайнрайх пишет: «...исследование логических аспектов языка - это отнюдь не модное увлечение; по-видимому, именно оно в течение ближайших десятилетий будет составлять одно из важнейших направлений в лингвистике» (5, с. 170).

Отсюда естественная проблема: каково соотношение логики и грамматики в тексте или как связаны в тексте языкознание и логика. Текст - поле формирования лингвистических и логических единиц и их связей, поле аргументации, доказательств, опровержения. Лингвисты, занимаясь текстом, находят закономерности текста, которые уже не являются сугубо лингвистическими, так как текст скрывает в себе определенную логическую структуру. Логика в тексте - это механизм его порождения и механизм его дешифровки (понимания). А исследовать логическую структуру текста - это значит исследовать последовательность мыслительных актов человека и лексико-грамматические способы их выражения, что, в свою очередь, создает базу для прагматических исследований текста.

В «текстах», по мнению М.Н.Правдина, реализуется в языковых формах результат взаимодействия грамматической и логической структур, который может быть подвергнут научному анализу как вполне объективный фактор, причем следствием этого анализа «текстов» являются грамматические и логические научные абстракции. Но в «текстах» как таковых (письменных и устных), как пишет в то же время М.Н.Правдин, нет мысли и, следовательно, логической структуры (13, с. 18).

Сферой реализации грамматической и логической структур является не речь («текст»), а сам процесс речевого общения, процесс речевой коммуникации, который, по М.Н.Правдину, включает в себя два обязательных компонента: «выражение» и «понимание», связанные с мыслительным процессом. Надо исходить из того, по мнению М.Н.Правдина, что логика и грамматика перекрещиваются. Они перекрещиваются лишь в процессе речевой коммуникации. Грамматические категории взаимодействуют с логическими категориями и результаты этого взаимодействия закрепляются в речи (в «языковом материале») и в структуре языка.

Как верно пишет Н.И.Жинкин, проблема соотношения языка и мышления «относится к реализации, а не к структуре языка» (8, с. 28).

Если лингвист с языковедческих позиций будет изучать логические категории на уровне текста, то он будет изучать не «лингвистику текста» в ее сугубо прагматическом понимании, а связь двух наук - языкознания и логики, объектом которых служит один и тот же феномен - язык. Если логик с позиций логики будет изучать лингвистические категории на уровне текста, то он будет изучать не «лингвистику текста» в упомянутом значении, а связь двух наук - логики и языкознания, объектом которых служит один и тот же феномен - язык. В первом случае мы исходим из языка, связывая его формы с логическими формами мыслей, во втором случае - из логических форм мыслей, связывая их с грамматическими формами языка. Лингвист должен в какой-то степени стать логиком, во втором случае логик должен в какой-то степени стать лингвистом.

Логика как наука обязана своим происхождением Аристотелю, который, как обычно отмечается, вывел логику из древнегреческого языка. Как отмечают некоторые исследователи, в выявлении законов и правил логики большую роль играл анализ грамматики (считалось, что существует однозначное соответствие между логическими и грамматическими категориями): Аристотель пришел к выявлению логических законов в результате анализа соответствующих грамматических форм. Хотя в своих трактатах он различал грамматику и логику, но он не смог достаточно четко и последовательно разграничить логические и грамматические категории. Формы мышления у Аристотеля, в конечном счете, оказываются языковыми формами. Э.Бенвенист пишет: «Какова природа отношений между категориями мысли и категориями языка? В той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка». И далее: «Отсюда следует, что ... Аристотель дает нам лишь понятийное отражение одного определенного состояния языка» (4, с.111).

В своем первоначальном смысле так называемые пять родов сказуемого (предикабилии): род (genus),

вид (species), видовое отличие (differentia), собственный признак (proprium) и случайное свойство (accidens) вовсе не представляют классификации сказуемых вообще; это просто список терминов, употребляемых при делении и определении. Они имеют значение только в связи с какой-нибудь определенной схемой деления. Раз дана такая схема, мы можем различать в ней целое, подлежащее делению (род, *genus),* подчиненные члены деления (виды, *species),* признак или группу признаков, на основании которых образован каждый вид (видовое отличие, *differentia).*

Порфирий в своем «Введении» объясняет эти пять родов слов «предикабилий», как возможные сказуемые; лишь по противоположности их с единичными именами, которые сказуемыми быть не могут. Между тем называть эти пять «элементов деления» *(divisorid)* «возможными сказуемыми» (предикабилиями) значило делать из них исчерпывающий перечень разных видов сказуемого в его отношении к подлежащему. Этим самым как бы признавалось, что термин каждого сказуемого должен обозначать или род, или вид, или видовое отличие, или собственный, или случайный признаки термина подлежащего. Иногда употребление наименования «предикабилий» подвергалось критике в этом смысле, и правильно указывалось, что сказуемое никогда не составляет «вида» по отношению к классу подлежащего.

Обыденный язык фактически опирается на некоторые схемы деления. Это и имел в виду Аристотель, и один из указанных им способов определения похож на «проверку содержания термина», пересмотром тех признаков, на которые этот термин указывает в обычном словоупотреблении. Это и значит исследовать сущность (οὐσία) вещей, т. е. признаки, наиболее обращающие на себя внимание и дающие основание для обычного словоупотребления.

Греческое слово «οὐσία» (сущность) представляет собой причастие женского рода настоящего времени от глагола быть и означает участие в бытии. Понятие сущности чего-либо выводится из набора отличительных свойств, присущих всем существам данного рода, посредством которых все вещи данного рода участвуют в бытии. Такие свойства называются существенными свойствами или атрибутами (от лат. attribuo — наделять). Именно существенные свойства «делают» вещь тем, чем она является. Когда говорится о Божественной сущности, то имеем в виду не участие Бога в бытии, но Его бытие как таковое. Бог не просто участвует в бытии, Он Сам есть бытие, Тот, Кто обладает бытием, Тот, Кому бытие принадлежит. Поэтому святоотеческая формула «сверхсущностная сущность» более точно выражает истину о Боге, указывая на бесконечное превосходство Божества над всеми тварными сущностями.

Слово «сущность» (οὐσία) у Аристотеля относилось столько же к предмету, сколько и к означающему его слову, категории Аристотеля первоначально были «классами слов».

Деление категорий Аристотеля косвенно является как бы грамматическим и представляет деление частей речи на существительные, прилагательные, наречия и глаголы; эти рубрики и до сих пор сохранились в наших грамматиках. Но на самом деле Аристотель имел в виду не грамматические функции, а именно значение слов. Это именно те различия, которые определяются отношением слов к отдельному конкретному предмету: одни слова обозначают сущности предметов, другие — их свойства, постоянные или временные. «Вторые сущности» Аристотеля — это нарицательные или общие имена, т. е. виды и роды Вещи, обозначаемые этими единичными именами, Аристотель называл «первыми сущностями», сущностями *по преимуществу,* так как им в самом полном смысле приписывается реальное существование. Общие имена отнесены к *первой* категории (субстанции), так как, будучи сказуемыми, они отвечают на вопрос: что такое данный предмет?

В начале XX века создалась новая картина языка, соответствующая новой картине мира и ее философским константам. Подводя итог новым логико-лингвистическим исследованиям, Б. Рассел сказал, что теперь нельзя представлять себе мир состоящим из вещей, мир состоит не из вещей, а из событий, или фактов. Естественно, что вслед за этим переворотом во взглядах скоро возник вопрос: что же такое «факт» или «событие» в логическом смысле слова? Нельзя сказать, что он решен сегодня. Понятие «событие» предстает как одна из разновидностей «фактов. При этом различие между «актом» и «фактом» совсем неясно. Эти термины играли важную роль в предшествующей философской и лингвистической традиции. Термином «акт» (actus) схоласты переводили два термина Аристотеля — «энергейя» как изменение в самый момент, в процессе его совершения, и «энтелехия» как совершившееся изменение и его совершенность, а следовательно, и как некое совершенство. Оба понятия Аристотеля связаны с понятием «сущность»: отличая «акт в потенции» от акта осуществленного, Аристотель сближает первый с сущностью; и энтелехия тоже связана с сущностью.

Предложение-пропозиция, описание «факта», создается предикатом и именами (термами), занимающими места, предусмотренные в предикате. Предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям» между вещами, и вместе с тем предикаты не именуют этих отношений.

Одновременно претерпевает изменение центральное понятие - «сущность», одна из центральных семантических категорий, установленных Аристотелем. Только сущности, а, следовательно, вещи, могут име-

новаться словами языка, и только к отношениям между сущностями (вещами) и словами может хорошо подходить определение семантики как отношений между знаками языка и объектами внешнего мира.

Отношения между предикатами как особыми мыслительными единицами, их внеязыковыми объективными коррелятами во внешнем мире и их языковыми выражениями — отношения принципиально иного порядка, они вовлекают в свою сферу не только и даже не столько семантику, сколько синтаксис. С понятием предиката мы входим в сферу синтактики.

В качестве базисных предикатов Аристотель говорит о десяти категориях, отмечая особый статус категории сущность. Категории сущность, качество, отношение, поставленные во главе списка, являются с логической точки зрения основными.

Предикаты базового списка нельзя удовлетворительно описать чем-либо, подобным «компонентному анализу». Нельзя, например, утверждать, что как «мужчина» может быть семантически сведен к компонентам: «человек» и «мужской пол» и «взрослый», так же и базовый предикат может быть каким-нибудь подобным образом сведен к компонентам, состоящим из других базовых предикатов: «место» не может быть сведено к «времени» и т.п. Однако в практике даже строгого логического анализа нечто, на первый взгляд похожее на эту операцию, постоянно проделывается, по крайней мере с тремя первыми предикатами аристотелевского списка. «Класс» (т.е. «сущность»), «свойство» и «отношение» нередко выражаются одно через другое.

Из всего сказанного выше напрашивается вывод, что предикаты, будучи категориями связанными со строением предложения в целом (а не с какой-либо его частью), не должны поддаваться контрастному компонентному анализу. Семантический анализ предикатов влечет радикальные изменения в семантической теории — он требует неконтрастной теории значения.

Как известно, идеи иной, «контрастной теории значения» были обобщены в рамках лингвистического позитивизма, в частности А. Айером. Согласно этой теории, элемент языка, например, слово, обладает значением лишь в силу контрастирования с другими словами (у де Соссюра есть идея о «чистых оппозитивных сущностях языка»). Что касается категорий, то они, согласно этим воззрениям, принадлежат к «запрещенным уровням абстракции», на которых принцип контраста утрачивает силу. Поэтому, в частности, категориальные термины, находящиеся на «неконтрастном уровне семантики», не контрастирующие один с другим, такие, как «бытие вообще», «существование вообще» и др., рассматривались как лишенные смысла.

Дионисий Фракийский, полемизируя со стоиками, отказывается от резкого разделения имен на собственные и общие (нарицательные) и рассматривает и те и другие как сущности, пользуясь аристотелевским термином «οὐσία»; собственное имя у него есть обозначение «особой сущности», а общее имя — обозначение «общей сущности», при этом первое прямо соответствует аристотелевской «первой сущности», а второе — «второй сущности».

Христологическая терминология никогда не представляла собой нечто застывшее и неизменное, напротив, она развивалась, значение основных богословских терминов постоянно уточнялось. Разрешение догматических вопросов в христологических спорах всегда было связано с определением точного смысла основных богословских терминов, таких как «природа» (φύσις), «ипостась» (ὑποστασις), «лицо» (πρόσωπον), «сущность» (οὐσία).

Говоря о троичности Единого Бога, одни отцы древней Церкви употребляли слово рсьущрпн (латинское - persona), другие говорили, что в Боге три ипостаси (ὑποστασις), третьи понятие лица выражали словом οὐσία или φύσις (лат – substantia, natura), т.е. сущность, природа. История богословской мысли показывает, что путь к решению христологической проблемы лежал через приведение христологической терминологии в соответствие с троичной терминологией каппадокийцев, которые в своем учении о Троице пользовались терминами οὐσία («сущность») и φύσις («природа», «бытие») как синонимами и отождествляли понятия «ипостаси» и «лица».

В самом широком смысле слова «природа» обозначает все, что существует объективно, независимо от нашего сознания. «Природа есть все то, что существует истинным образом... Церковь называет истинную реальность существующих (вещей) или же воосуществление их» (2, с. 74). В более узком смысле «природа» означает некоторый род вещей (существ), обладающих тождественными качественными характеристиками. Иоанн Дамаскин определяет природу как вид, который не может быть разделен на другие виды. При этом как совокупность известных признаков природа может быть только умопостигаема, но свое реальное выражение находит только в отдельном.

Термин «природа» многоуровневый и содержит следующие значения: а) множество вещей (существ), обладающих одними и теми же качественными характеристиками. Например, человеческая природа — все множество живших и живущих на земле людей, начиная с Адама. б) Конкретную реализацию общей природы, по отношению к которой общая природа выступает как причина. Иоанн Дамаскин называет это естеством, созерцаемым в неделимом.

В силу тождества качественных определений между общим естеством и его конкретным выражением наименование общей природы прилагается и к ее конкретным реализациям. Природы отличаются одна от другой по своим качественным определениям. Таким образом, основное назначение термина «природа» — указывать на различие.

Изначально слово «ипостась» (от греческого глагола — «существовать») не имело философского значения и на разговорном языке могло обозначать все, что обладает действительным существованием. Специфическое значение, которое этот термин приобрел в христианском богословии, связано с деятельностью каппадокийцев. Василий Великий определил ипостась как сущность (природа), ограниченную особыми свойствами, а различие между понятиями «сущности» и «ипостаси» как различие общего и частного. В нехристианской философии разграничение терминов сущность и ипостась впервые встречается у Плотина, различавшего «сущность» как «бытие вообще» от «ипостаси» как «определенного бытия» (7, с.143).

«Ипостась» означает конкретную реализацию природы, рассматриваемую как в противопоставленное общему естеству, так и в отличие от других реализаций. Однако такое понимание «ипостаси» оказывается недостаточным. «Ипостась» указывает не только на отличие, но и на самотождественность вещи, ее нумерическое отличие, то есть на отдельное существование. «Ипостасями» называют особи, неделимые индивиды, которые существуют отдельно и которые можно считать. При этом в понятии «ипостась» присутствует момент самостоятельности, самодостаточности, - то, что существует «само по себе». Понятия «ипостаси» и «природы» не являются тождественными, тем не менее, объем этих понятий в значительной степени совпадает. По крайней мере, у авторов V — начала VI столетий они строго не различаются.

В ипостасном споре в период формулирования христианских догматов случалось объяснять, почему единство в Троице не отменяет различий между Богом-Отцом и Богом-Сыном и почему эти *различия* не разрушают единства, а это с необходимостью приводило к разъяснению понятий. На Никейском соборе был предложен термин *единосущный* (ьмппхуйпт) в намерении исповедать и то и другое - и единство и различия.

Одной из причин споров была неточность понятий, которые употреблялись в дискуссиях. Оба ключевых понятия οὐσία и ὑπόστασις особенно часто приводили к бесконечным недоразумениям. В трактате «О различении οὐσία *(сущности)* и ὑπόστασις *(лица)*», известном под именем 38-го Послания Василия Кесарийского (сегодня оно приписывается его младшему брату - Григорию Нисскому), говорится, что путаница относительно слов οὐσία и ὑπόστασις требует предварительного разъяснения этих понятий. Следовательно, первый шаг относится к области логики и филологии, и только затем последует богословское применение понятий.

В начале трактата предлагается читателю простое языковое наблюдение. Существуют два вида понятий. Понятия первого вида совокупно покрывают множество предметов, поскольку указывают признак, свойственный им всем; таково, например, слово *человек*. Понятия второго вида означают нечто обособленное, ясно очерченное, то, что не имеет ничего общего с прочими отдельными явлениями той же самой природы, таковы личные имена. Они означают не все человеческое естество в целом, - по природе люди единосущны (ὁμοούσιοι), - а только то, что различает людей между собой, их характерные особенности.

Выбор слова ὑπόστασις для обозначения конкретно-единичного, для обозначения Божественного Лица, первоначально имел филологические причины. Пока конкретно-единичное не найдет своих особых признаков, общее понятие о явлении еще не означает твердого «состояния» (στάσις). В таком определении Лица на передний план выходит особое, уникальное естество *данного* человека. Более высоким теперь считается не всеобще-сущностное, а уникально-личностное. Особенности отдельного больше не расцениваются как нечто непременно несовершенное, как это было в греческой философии.

Практически все авторы эпохи христологических споров так или иначе принимали аристотелевскую аксиому, согласно которой не существует природы неипостасной. Действительным существованием обладают только единичные вещи, то есть ипостаси, индивидуумы, природы же, обозначаемые общими понятиями, как, например, «человек», «ангел», «дерево» и т. п., сами по себе не существуют, но реальны только в ипостасях, в которых они созерцаются посредством отвлечения, абстрагирования от индивидуальных особенностей. В этом смысле понятия «природы» и «ипостаси» различны и соотносятся между собой как общее и частное. Но в то же время в силу многозначности понятия термины «природа» и «ипостась» могут употребляться как синонимы и обозначать индивидуальное существование, конкретную экзистенцию, особь.

В эпоху становления христианской догматики богословие было весьма рационалистичным. Отцы церкви с большим пиететом относились к аристотелевской логике и старались согласовать с ней свои догматические положения. Между тем такие основополагающие догматы, как догмат о триединстве Бога и догмат о богочеловечестве Христа, согласовались с нею не так легко. Приходилось прилагать значительные усилия, входя в неочевидные логичес-

кие тонкости, для того чтобы показать, что эти догматы в противоречии с логикой не находятся.

До того как он был принят в середине V в., да и после этого, шли ожесточенные споры по вопросу о соотношении природ и лиц во Христе. В этом и состоит христологическая проблема. В богословской литературе в качестве синонимов употребляются термины «природа», «естество», «сущность», «субстанция». Другой синонимический ряд — это «лицо», «ипостась», «личность», «персона». Первый ряд терминов соответствует родам и видам аристотелевской логики; второй — индивидам, первым сущностям Аристотеля.

Четкое разграничение понятий «природа» и «ипостась», установилось благодаря новому термину «воипостасный» (хотя термин «воипостазированный» (ἐνυπόστατος) встречается у св. Кирилла Иерусалимского в «Беседах»), введенному в шестом веке Леонтием Византийским.

Леонтий Византийский, развивая богословие каппадокийцев, опирается на философию. Если раньше считалось, что Леонтий использует в своих трудах главным образом философию Аристотеля, то сейчас исследователями отмечается, что он был знаком с Аристотелем через неоплатонизм, в особенности через Порфирия (6, с. 215). Главной своей задачей Леонтий видел определение терминов и понятий.

Важен ответ Леонтия на вопрос, который актуален и в современной полемике с монофизитами, - почему нельзя считать, что во Христе одна природа, пусть даже состоящая из человеческой и божественной природ — по аналогии с человеческой природой, которая, хотя и состоит из двух разновидных сущностей — тела и души, — считается одной природой? Леонтий говорит, что человеческая природа, несмотря на то, что состоит из разновидных сущностей, может называться одной природой, потому что принадлежит общему человеческому виду. Однако в отношении Христа мы не можем этого сказать, потому что не существует общего вида «Христов», которому были бы причастны отдельные «Христы».

Леонтий не ставит под сомнение, что природы существуют только в «ипостасях», в «неделимых», и таким образом все реально существующее ипостасно. Однако он делает очень существенное уточнение. Если нет безъипостасной природы, то отсюда вовсе не следует, что природа всегда существует только в собственных индивидуализациях, поскольку она может реализовываться и в ипостаси иного рода. Поэтому наряду с простыми, одноприродными ипостасями, или индивидуумами, существуют и сложные, состоящие из конкретных реализаций нескольких различных природ. Так, каждый человек есть единая ипостась, однако состоит из двух различных природ — души и тела.

Учение о воипостасности устанавливает четкое различие между термином «ипостась» и термином «природа», причем не только в значении природы как общего понятия, но и в смысле ее конкретной реализации, ведь и душа и тело в человеке, будучи индивидуализированными природами, в строгом смысле слова не являются ипостасями.

До середины VI столетия и у православных авторов термин «ипостась» использовался для обозначения человеческого естества Иисуса Христа. С появлением учения о воипостасности такое словоупотребление в православном богословии становится совершенно невозможным. В свете учения о воипостасности «ипостась» не может быть ни сведена к понятию индивидуальной субстанции (природы с индивидуальными особенностями), ни тем более отождествлена с самими индивидуальными свойствами. Скорее «ипостась» означает самый принцип индивидуализации.

Следствием учения о «воипостасности» является отказ от попыток мыслить «ипостась» в категориях природы. Ипостась представляет собой некоторый несводимый к природе элемент, вместе с природой образующий особь. Соотношение между природой и ипостасью можно выразить следующим образом. Природа есть некоторая качественность, тогда как ипостась — конкретный носитель качеств. Ипостась, заключая в себе природу, определяет способ существования, или образ бытия природы, является принципом ее индивидуализации, началом, в котором природа обретает свое действительное существование и в котором созерцается. Природа по отношению к ипостаси является ее внутренним содержанием. Но это различие носит методологический характер, так как природа без ипостаси есть лишь общее понятие, а ипостась без природы не более чем абстрактный принцип.

Халкидонский собор провозгласил ипостасное соединение двух совершенных природ Христа в одном лице Бога Слова. Но на Соборе осталось необъясненным, каким образом человеческая природа Христа могла оставаться совершенной, не имея своего собственного лица. Ответ на этот вопрос был дан в богословии «воипостасного».

Общей ошибкой монофизитов было представление о лице и природе человека как едином целом, в котором одно не может существовать без другого, определялось это их нежеланием принимать две природы во Христе. Леонтий различает ипостась и сущность, которую называет также «воипостасной». Отсюда напрашивается вывод, что в онтологическом отношении ипостась выше, чем сущность.

Позиция Нестория состояла в том, что Христос не является Богом Словом ни по природе, ни ипостасно. Учение Нестория было осуждено на III Вселенском соборе в Эфесе (431 г.), признавшем Христа истинным Богом, Сыном Божьим воплотившимся. После Эфесского собора все согласились с тем, что Иисус Христос имеет одно лицо, а не два, как утверж-

дал Несторий. Но по вопросу о числе природ во Христе снова разгорелись горячие споры. После жестокой борьбы на IV Вселенском соборе в Халкидоне (451 г.) победили те, кто считал, что Христос имеет одно лицо и две природы. Мнение тех, кто полагал, что у Него одна ипостась и одна природа, было осуждено, а сами они были объявлены еретиками; эта ересь получила наименование монофизитской.

И кафолическая, и монофизитская позиции имели свои логические затруднения. В чем состоят эти затруднения и как обе стороны стараются их разрешить, хорошо видно, если рассмотреть ту полемику, которую ведет выдающийся церковный деятель Иоанн Дамаскин (VIII в.) в своем знаменитом «Источнике знания» с монофизитски настроенным писателем Иоанном Филопоном (V—IV вв.), обширные выдержки из сочинения которого под названием «Судия» он приводит в своем труде (10).

Монофизиты указывают на следующую логическую несообразность, которую допускают те, кто считает, что у Христа одна ипостась, но две природы. Ведь природа — это не что иное, как вид, аристотелевская вторая сущность. Как же может один и тот же индивид принадлежать сразу двум видам? Разве может что-нибудь быть, например, одновременно камнем и деревом или быком и лошадью?

У монофизитов имеются свои трудности. Если допустить, что у Христа только одна природа, то, согласно догмату о триединстве, это та же самая природа, что и у двух других Лиц Св. Троицы, Бога Отца и Бога Духа Святого Но как тогда объяснить крестные муки Христа? Ведь по всем христианским канонам единая природа Бога не подвержена никаким страданиям. При этом получается, что если Христос претерпевал мучения на кресте, то вместе с ним страдал и Бог Отец. Однако утверждать такое — означает исповедовать ересь патрипассионизма. Значит, Иисус на кресте не испытывал страданий, и все, что происходило на Голгофе, было только видимостью? Но согласиться с этим, означает впасть в другую ересь -- в ересь докетизма.

Богословскую проблему - Христос, имея две природы, принадлежит этим самым к двум различным видам, Иоанн Дамаскин решает весьма элегантно, чисто логическим путем (14, с. 31). Он строит свою аргументацию, опираясь на абсолютную уникальность Иисуса Христа. В «Источнике знания» читаем: «Но еретиков вводит в заблуждение вот что: они признают естество и ипостась за одно и то же. Хотя мы и говорим, что в человеке — одно естество, но должно знать, что мы говорим так, не обращая внимания на определение души и тела. Ибо если сравнить душу и тело между собою, то нельзя сказать, что они — одного естества. Но так как хотя и очень много человеческих личностей, однако все они получают одно определение своей природы, ибо все они состоят из души и тела, все получили естество души и имеют телесную сущность, — то мы и говорим, что естество весьма многих и различных личностей — одно... В отношении же к Господу нашему Иисусу Христу нельзя найти общий вид. Ибо и не было, и нет, и никогда не будет другого Христа, Который состоял бы из Божества и человечества, Который по Божеству и человечеству -- один и тот же — был бы и Богом совершенным, и человеком совершенным. Поэтому о Господе нашем Иисусе Христе нельзя сказать, что в Нем — одно естество, — то есть нельзя сказать, что как отдельная человеческая личность сложена из души и тела, так же и Христос сложен из Божества и человечества. Ибо здесь берется личность, входящая в состав рода, Христос же не есть такая личность, потому что для Него нет общего вида, под который бы Его можно было подвести. Поэтому и говорим, что во Христе произошло соединение двух совершенных естеств — Божеского и человеческого — не по образцу смешения, или слияния, или примешивания, или растворения...» (10, с. 142).

Дамаскин доказывает, что верна формулировка Символа веры: божественная и человеческая природы существуют во Христе нераздельно и неслиянно. И доказательство его вполне корректно. В самом деле, в силу уникальности Христа по отношению к нему нельзя произвести то, что называется вариацией: ведь только варьируя различные индивиды, принадлежащие к одному и тому же виду, можно выявить сам вид как таковой. Поэтому для Христа нет общего вида, под который Его можно было бы подвести. А раз так, то с логической точки зрения вполне законно то, что те существенные признаки, которые в обычных обстоятельствах слились бы и образовали единую субстанцию, в данном случае не смешиваются и существуют в качестве независимых природ.

Опираясь на Писание, христианская Церковь учит о личностном единении двух природ во Христе. Таким образом, уникальность Слова находит свое основание и подтверждение как в обыденном языке, в богословском формулировании христологического догмата, так и в сугубо формально-логическом построении догмата. Но на самом деле эти основания и подтверждения вытекают из уникальности Слова, а не наоборот.

Согласно Аристотелю (в V главе «Категорий»), понятие «сущность» может означать как индивидуальное существование, особь, так и видовое понятие, общее в мысли. Христианскими авторами первых веков термины «сущность» и «ипостась» практически не различались. Иоанн Дамаскин в «Диалектике» определяет понятия «сущность» и «ипостась», в значительной степени как совпадающие между собой. Но в то же время ипостась обозначает то, что существует само по себе, по своей собственной субстанции.

В православном богословии ипостась по отношению к природе мыслится как начало онтологически первичное: не ипостась является производным от природы, а наоборот, природа обретает реальное существование в ипостаси. Такой вывод непосредственно следует из православного учения о Троице.

Сущий не есть сущность, не есть бытие, но Тот, Кому сущность принадлежит, Тот, Кто обладает бытием. Божественные Ипостаси не есть нечто внутрисущностное, сущности последующее, хотя бы и логически, но, напротив, именно божественные Ипостаси воипостазируют божественную природу, сообщая ей «способ существования».

Первоначально слово «лицо» и соответствующее ему латинское «персона» не имело философского характера. Оно относилось не к онтологическому, а скорее к описательному плану и могло означать внешнюю форму. Каппадокийцы в учении о Троице отождествили понятия «лица» и «ипостаси». В результате понятие «лица» получило метафизическое обоснование, а понятие «ипостаси» наполнилось персоналистическим содержанием.

Однако, несмотря на отождествление ипостаси и лица в троичном богословии, термин «лицо» в течение длительного времени сохранял и свое первоначальное значение. Между понятиями «ипостаси» и «лица» все же есть некоторое различие: понятие «лицо» носит более персоналистический характер. Каждая конкретная реализация духовно-разумной природы предполагает существование некоторого личностного начала.

Личностное, или ипостасное единение двух природ во Христе совершенно уникально. По этой причине личностные утверждения называют исключительными утверждениями, или еще — утверждениями, у которых не существует аналогов. И все же, хотя личностные утверждения являются *inusitate* (уникальными), они истинны и реальны, и не являются лишь словесными, они являются сущими, а не метафорическими, образными или фигуральными

Во второй половине VI-VIII вв. православное христологическое учение обретает законченность и стройность, основанные на отождествлении понятий «сущность» и «природа», с одной стороны, «ипостась» и «лицо» с другой; на установлении четкого различия между двумя парами терминов. Нужно еще заметить, что, определяя сущность и ипостась, отцы Церкви утверждают что они — реальны, а не суть акциденции одна другой — в этом их сходство; а различие состоит в том, что сущность просто реальна, а ипостась сознательно реальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. «Грамматика Пор-Рояля» и современная лингвистика. (К выходу в свет русских изданий) // Вопросы языкознания. 1992. 2.
2. Анастасий Синаит. Путеводитель // Журнал Московской патриархии. 1993. 7.
3. Бенвенист Э. Логические основы системы предлогов в латинском языке// Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. М., 1974.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистка. М., 1974.
5. Вайнрайх У. О семантической структуре языка //Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
6. Говорун С.Н. Леонтий Византийский и его трактат против Нестория и Евтихия // Церковь и время. 2001. 2 (15).
7. Давыденков О., свящ. Традиционная христология нехалкидонитов. М., 1998.
8. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964 № 6.
9. Звегинцев В.А. Применение в лингвистике логико-математических методов //Новое в лингвистике. Вып. IV/ М., 1965.
10. Иоанн Дамаскин. Полн. собр. творений. Т 1. СПб., 1913.
11. Лекомцев Ю.К. Основные положения глоссематики // Вопросы языкознания. 1962 4.
12. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
13. Правдин М.Н. Логика и грамматика. М., 1973.
14. Слинин Я.А. Логика и христологическая проблема // Вестник СПбГУ. Сер.6. 1992, вып. 4 (27).
15. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое). М., 1973.
16. Степанов Ю.С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
17. Hjelmslev L. La categorie des cas: Etude de grammaire generale //Acta Jutlandica. 1935.(1). VII; 1937 (2). IX.
18. Ries J. Was ist ein Satz? Prag, 1931.
19. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin, 1855.

ГИНЕЦИНСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ИЛЬИЧ

д.пед.н., профессор, зав. кафедрой психолого-социальной работы в образовании

ОСНОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: к истории вопроса

АННОТАЦИЯ. *В статье на основе текстов выдающихся представителей отечественной педагогической мысли (Добролюбов Н.А., Гессен С.И., Ильин И.А, Пирогов Н И, Толстой Л Н) и инструментария современной фамилистики охарактеризованы три базисные педагогические позиции: абсентеизм, авторитаризм, сотрудничество*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *образовательное право, юридические нормы, нравственные нормы, субъекты образовательного процесса, потребности в образовании, авторитаризм, абсентеизм, сотрудничество.*

В современном обществе к числу неотъемлемых прав личности относят право на образование Это право провозглашено в документах международных организаций, конкретизация содержания этого права дана в национально-государственных законодательствах об образовании.

В статье 26 «Всеобщей декларации прав человека» (1948) разграничено 3 уровня (ступени, этапа) реализации этого права: обязательное, общедоступное, доступное по результатам конкурсного отбора. Закон Российской Федерации «Об образовании» (1992) раскрывает содержание права на образование как систему взаимосвязанных прав и обязанностей различных субъектов образовательного процесса: учащихся, их родителей, учителей, образовательных учреждений, органов управления образованием.

Общее содержание понятия права (возможности) как юридически закрепленной нормы, соотносится не только с понятием обязанности (для того, чтобы какой-либо субъект имел возможность реализовать свое право на образование, другому субъекту вменяется в обязанность создавать условия для реализации этого права; сам субъект для того, чтобы реализовать свое право, должен приложить соответствующее усилие), но и понятием потребности (право субъекта - это возможности удовлетворения имеющихся у субъекта, конституирующих его потребностей). Задачи законодательства об образовании заключаются в том, чтобы формулировать сбалансированную систему норм взаимоотношений субъектов образовательного процесса, которая бы способствовала конструктивному разрешению возможных конфликтных ситуаций, прогрессивному развитию системы образования в целом, формированию и удовлетворению потребностей в получении образования. Магистральными направлениями совершенствования сформировавшейся системы норм образовательного права, очевидно, являются, с одной стороны, проверка действенности этих норм в практике образования, с другой, - развитие понятийно-терминологического аппарата, позволяющего релевантно и дифференцированно формулировать эти нормы. В рамках второго направления значительную роль может сыграть прослеживание эволюции системы понятий, используемых при конкретизации содержания понятия права на образование.

Понятие права на образование в его юридическом аспекте, очевидно, органично связано с нравственным аспектом этого понятия. Именно с этой точки зрения до сих пор сохраняет свое значение та дискуссия, которая шла в отечественной педагогике во второй половине XIX века -- первой четверти XX века.

Роль пускового импульса к широкому общественно-политическому движению в педагогике 60-х годов XIX столетия России сыграла статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856). В центре множества тем, затронутых в этой статье выдающимся хирургом, находится проблема противоречия между нравственным идеалом внутренней жизни человека и нормами, в соответствии с которыми осуществляется внешнее социальное поведение. Пирогов указывает на то, что главная задача воспитания «приготовить нас к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой» решается неудовлетворительно. Это происходит, прежде всего, вследствие того, что мы пренебрегаем задачами общего гуманитарного образования и, наоборот, стремимся форсировать переход к профессиональному образованию. «Для чего родители так самоуправно распоряжаются участью своих детей, назначая их, едва выползших из колыбели, туда, где по разным соображениям и расчетам предстоит им более выгодная карьера? Для чего реально-специальные школы принимаются за воспитание тех возрастов, для которых общее человеческое образование несравненно существеннее всех практических приложений?». Ответ на эти риторические для Пирогова вопросы очевиден: «Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку… наружный, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть не так ловок, не так сговорчив и уклончив,

как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться, он не свое не возьмется»

Одним из первых откликнулся на статью Пирогова Н.А. Добролюбов. И хотя его статья «О назначении авторитета в воспитании» имела подзаголовок «Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова», в критической своей составляющей она была направлена против тезисов, сформулированных в статье пастора Зедергольма, опубликованной в том же журнале, что и статья Пирогова. Если ключевыми положениями позиции Зедергольма были тезисы: 1) «Безусловное повиновение – главное и единственно необходимое условие воспитания. Воспитание своей последней целью и имеет именно то, чтобы на место неразумной воли ребенка поставить разумную волю воспитателя»; 2) «Усилие, которое делает дитя, чтобы преодолеть собственную волю и подчинить ее чужой, - развивает его нравственную силу. Этим одним возбуждается в душе его первое проявление нравственности, первая нравственная борьба, и только с нее начинается собственно человеческая жизнь», то суть позиции Добролюбова заключалась в «апологии прав детской природы против педагогического произвола, останавливающего естественное развитие». Добролюбов писал: «Мы хотим, чтобы в воспитании господствовала разумность и чтобы разумность эта была ведома не только учителю, но и представлялась ясной и самому ребенку. Мы утверждаем, что все меры воспитателя должны быть предлагаемы в таком виде, чтобы могли быть вполне и ясно оправданы в собственном сознании ребенка. Мы требуем, чтобы воспитатели высказывали более уважения к человеческой природе и старались о развитии, а не о подавлении внутреннего человека в своих воспитанниках, и чтобы воспитание стремилось сделать человека нравственным не по привычке, а по сознанию и убеждению».

Широкий резонанс в российском обществе получила статья Л.Н. Толстого «О народном образовании» (1862). Свою статью он начинает с полемически заостренной констатации того, что разные субъекты образовательного процесса при его осуществлении ориентируются на разные представления (нормы). «Народное образование всегда и везде представляло и представляет одно, непонятное для меня, явление. Народ хочет образования, и каждая отдельная личность бессознательно стремится к образованию. Более образованный класс людей – общества, правительства – стремиться передать свои знания и образовать менее образованный класс народа. Казалось, такое совпадение потребностей должно было бы удовлетворить как образовывающий, так и образовывающийся класс. Но выходит наоборот. Народ постоянно противодействует тем усилиям, которые употребляет для его образования общество или правительство, как представители более образованного сословия, и усилия эти большей частью остаются безуспешными». Отсюда возникает позиция, которая оправдывает то, что неотъемлемой стороной образования является принуждение. Доводы, которыми обосновывают (оправдывают) принудительный характер образования (т.е. позицию, согласно которой ответы на вопросы о том, чему и как учить, составляют прерогативу правительства, школы, учителей), Толстой объединяет в четыре группы: религиозные, философские, опытные, исторические. Но все они, по мнению Толстого, несостоятельны. «Мы не знаем, чем должно быть образование и воспитание, не признаем всей философии педагогики, потому что не признаем возможности человеку знать то, что нужно знать человеку. Образование и воспитание представляются нам историческими фактами воздействия одних людей на других; поэтому задача науки образования, по нашему мнению, есть только отыскание законов этого воздействия одних людей на других. Мы не только не признаем за нашим поколением знания и не только не признаем права знания того, что нужно для совершенствования человека, но убеждены, что ежели бы знание это было у человечества, то оно не могло бы передать или не передать его молодому поколению. Мы убеждены, что сознание добра и зла, независимо от воли человека, лежит во всем человечестве и развивается бессознательно вместе с историей, что молодому поколению также невозможно привить образованием нашего сознания, как невозможно лишать его этого нашего сознания и той ступени высшего сознания, на которую возведет его следующий шаг истории. Наше мнимое знание законов добра и зла и на основании их деятельность на молодое поколение есть большей частью противодействие развитию нового сознания, не выработанного еще нашим сознанием, а вырабатывающегося в молодом поколении, - есть препятствие, а не пособие образованию». Высказанная Толстым в этой статье позиция получила у него развитие и впоследствии была переформулирована им в форму императива о непротивлении злу насилием. Систематическому опровержению тезиса о непротивлении злу насилием, в той трактовке, которую он получил в толстовстве, посвящена работа И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925).

Тезис о непротивлении злу насилием справедлив в той мере, в какой насилие осмысливается как безусловное зло: нельзя победить зло еще большим злом. Но этот же тезис, как показывает Ильин, содержит в себе возможность трактовать его в духе «сентиментального безволия (бессилия)», «противодуховного гедонизма», «эгоистического прекраснодушного самолюбования». Добро есть одухотворенная любовь, а зло есть противодуховная вражда. Сущностью права должна быть духовность.

Анализ педагогических воззрений Л.Н. Толстого составляет исходный пункт концепции, развитой

С.И. Гессеном в его книге «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (1922). С точки зрения Гессена: «Ошибка Толстого, как и всякого анархизма вообще, в слишком узком понимании принуждения: принуждение гораздо шире, чем кажется на первый взгляд. То организованное принуждение, которое известно под именем «дисциплины» и которое думал отменить Толстой, есть часть принуждения вообще, проявляющегося в тысяче воздействий и впечатлений, обступающих ребенка, от которых не властен освободить его никто, кроме него самого. Отмена организованного принуждения только усиливает и делает более явным принуждение неорганизованное, которое, с гораздо большей настойчивостью обступая ребенка, еще более способно лишить его собственной воли, чем сознаваемое в своей внешней навязанности явное принуждение «дисциплины». «Отменить принуждение над ребенком возможно не путем простого его упразднения, всегда по необходимости частного, а путем воспитания в ребенке внутренней силы личности и свободы, которая могла бы сопротивляться всякому принуждению, откуда бы оно ни шло».

В прослеженном нами отрезке истории дискуссии о нравственных основании педагогики обозначились, как нам представляется, три позиции: авторитаризм, абсентизм, конструктивное сотрудничество на пути утверждения идеалов добра, которые нужно учитывать как потенциальные варианты трактовки норм взаимоотношений участников образовательного процесса. Это соответствует магистральной линии совершенствования образовательного права: оно должно быть таким, чтобы предотвращать конфронтацию субъектов образовательного процесса, способствовать конструктивному разрешению возникающих конфликтов.

Базисный характер выделенных педагогических позиций подтверждают и представления, развиваемые современной фамилистикой. Как известно, одной из фундаментальных задач фамилистики является разработка диагностического инструментария, позволяющего идентифицировать значимые диспозиции в детско-родительских взаимоотношениях. В частности, в последние годы в отечественной консультационной практике широко используется методика Е. Шеффер и Р. Белла. Этот опросник предполагает разграничение 3-х вариантов отношения к ребенку: 1. оптимальный эмоциональный контакт (поддержание отношений равенства, сотрудничества), 2. чрезмерная эмоциональная дистанция (уклонение от контактов с ребенком, раздражительность, строгость), 3. излишняя концентрация на ребенке (опасение обидеть, поощрение слабоволия, изолирование от посторонних влияний, постоянная опека, подавление агрессивности, сексуальности). В качестве иллюстрации операционализированной характеристики педагогических позиций, выделяемых в данной статье может служить «Опросник первичной самоидентификации педагогической позиции».

1. Строгая дисциплина по отношению к ребенку развивает в нем сильный характер.

2. Воспитание детей – это тяжелая нервная работа.

3. Пребывание с ребенком целый день может довести до нервного истощения.

4. Дети делают все возможное, чтобы заинтересовать родителей своими проблемами.

5. Если один раз позволить ребенку съябедничать, он будет делать это постоянно.

6. Невозможно, постоянно занимаясь ребенком, все время оставаться спокойным.

7. Капризные дети изматывают родителей.

8. Воспитание детей в строгой дисциплине делает их более счастливыми.

9. Родители часто бывают настолько замучены присутствием своих детей, что им кажется, что они не смогут пробыть с ними ни минуты больше.

10. Дети замучают своих родителей мелкими проблемами, если с самого начала не запретить им этого.

11. Некоторые дети настолько плохи, что ради их же блага нужно научить их бояться взрослых.

12. Ребенок, когда повзрослеет, будет благодарить родителей за строгое воспитание.

13. Большинство детей должно воспитываться более строго, чем это происходит на самом деле.

14. Родители должны научить детей уважать начальство.

15. Родители должны понимать, что лучше предоставить ребенку самому решать свои проблемы.

16. Дети, которым внушили уважение к нормам поведения становятся уважаемыми людьми.

17. Дети всегда требуют к себе излишнего внимания.

18. Ребенка, которому грустно, нужно оставить в покое.

19. Надо обязательно искоренять у детей проявления нарождающейся ехидности.

20. Нередко родители вынуждены поступать против воли ребенка.

21. Чем раньше ребенок поймет, что нет смысла попусту терять время, чем лучше для него.

22. Если дети считают свои взгляды правильными, они могут не соглашаться с мнением родителей.

23. Если ребенка включать в работы по дому, он становится более привязанным к родителям и легче доверяет им свои проблемы.

24. Заставлять детей приспосабливаться – плохой метод воспитания.

25. Дети, которым разрешается шутить и смеяться вместе с родителями, легче принимают их советы.

26. Дети, которые не попробуют своих сил в достижении успехов, должны знать, что потом в жизни они встречаться с неудачами.

27. Родители, которые выслушивают откровенные рассказы детей об их переживаниях, помогают им в более быстром социальном развитии.

28. Родители своими поступками должны завоевывать расположение детей.

29. У ребенка должна быть уверенность, что его не накажут, если он доверит родителям свои проблемы.

30. Если дети рассказывают родителям свои анекдоты, а они им свои, то многие вопросы с детьми решаются спокойно и без конфликтов

31. Родители должны научить детей, что самое хорошее дело - найти себе занятие и не терять время попусту.

32. Дети должны принимать участие в решении важных семейных вопросов.

33. У ребенка должны быть свои взгляды и возможность их свободно высказывать.

34. Ребенок должен научиться в жизни многим нужным вещам и поэтому его нужно приучить не терять драгоценное время.

35. Когда ребенок делает то, что обязан, он находится на правильном пути.

36. Родителям легче приспособится к детям, чем наоборот.

37. Если бы родители больше интересовались делами своих детей, дети были бы лучше и счастливее.

38. Нет никаких оснований, чтобы у родителей было больше прав, чем у детей

39. Детей надо поощрять высказывать свои мнения о жизни семьи, даже если родители считают их неправильными.

40. Родители должны считать детей равноправными себе во всех вопросах жизни.

41. У ребенка не должно быть тайн от родителей.

42. Хорошие родители должны оберегать своих детей от малейших трудностей и обид.

43. Все молодые родители боятся своей неопытности в обращении с ребенком.

44. Детские игры с сексуальным содержанием могут вести к сексуальным преступлениям.

45. Родители не должны представать перед детьми в дурном свете.

46. Так как ребенок – продолжение родителей, они имеют право знать все о его жизни.

47. Дети не должны вне дома учиться тому, что противоречит взглядам их родителей.

48. Родители должны знать, как нужно поступать, чтобы их дети не попали в трудные жизненные ситуации.

49. Самая главная забота родителей – благополучие и безопасность ребенка.

50. С ребенком что-то не в порядке, если он много расспрашивает о вопросах пола.

51. Дети не должны сомневаться в правильности взглядов родителей.

52 Внимательные родители должны знать, о чем думает их ребенок.

53. В присутствии детей не следует разговаривать о вопросах пола.

54. Обязанностью родителей является узнать все тайные мысли ребенка.

55. Ребенка не нужно приучать к тяжелой работе, чтобы он не потерял охоту к любой.

56. Нельзя допускать, чтобы мальчики и девочки видели друг друга голыми.

57. Если ребенок попал в беду, родители всегда обвиняют себя.

58. Ребенок никогда не должен слушать критические замечания о своих родителях.

59. Родители должны сделать все, чтобы уберечь своего ребенка от разочарований, которые несет жизнь.

60. Надо беречь детей от слишком тяжелой работы.

Результаты (само)опроса в простейшем варианте можно интерпретировать следующим образом:

если число согласий с суждениями 1 - 20 (А) превышает число согласий с суждениями 21 - 40 (Б) и с суждениями 41 – 60 (В), то это можно рассматривать как указание на склонность придерживаться абсентеистской позиции,

если Б > А и Б > В, то позиции сотрудничества,

если В > А и В > Б, то авторитарной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добролюбов Н.А. О назначении авторитета в воспитании / Собрание сочинений в 9-ти томах, Т.1, М – Л, 1961.
2. Гессен С.И Основы педагогики. М., 1995.
3. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / Путь к очевидности., М., 1993.
4. Пирогов Н.И. Вопросы жизни / Избранные педагогические сочинения., М., 1953.
5. Толстой Л.Н. О народном образовании / Полное собрание сочинений. Т.8, М., 1936.
6. Шилов И.Ю. Фамилистика. СПб., 2000.

МЫСИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
к.филол.н., доцент кафедры социальной работы и социальных наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ЗЕРКАЛЕ СИНЕРГЕТИКИ
(опыт хронополитики)

АННОТАЦИЯ: *С позиций синергетики рассматривается Санкт-Петербургский период в истории России (1709-1918 гг.), когда город был ее метрополисом. Санкт-Петербург выступает как контролер – управленческий механизм – и проект будущего, обеспечивающий переход к новой, более высокой форме государственности и вызревание необходимых для этого новых систем управления.*
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Санкт-Петербург, история, геополитика, синергетика, стратегия, проектирование, хронополитика*

I. Наука издавна различает (и, как правило, раздельно изучает) два основных аспекта организации любых систем - пространственный и временной. Если взаимосвязь Пространства и Государства составляет область геополитических исследований (23, с.15), то Хронополитику при изучении динамики социальных организмов интересует их интенсивная структура - организация во Времени. В данной работе речь идёт о том историческом периоде в развитии социального организма России, когда Санкт-Петербург был её Метрополисом - столицей Российской Империи. СПб период в истории России определяется двумя бифуркационными событиями («пассионарными толчками») русской истории и имеет чёткие хронологические границы: это Полтава (1709 г.), когда период определился и изменение стало необратимым, и 1918 г. - выход России из империалистической войны и возвращение столицы в Москву. (9, гл.6). «Вход» в этот исторический период был определён подъёмом Западной Европы и завоеванием ею доминирующего положения на мировой арене, а «Выход» связан с кризисом Европы («закат Европы») в ходе Первой Мировой войны 1914-1918 гг. и формированием новых геополитических «центров силы» в Мировой Системе. Период начался вхождением Российской Империи в сообщество («концерт») европейских держав, а кончился с выходом Советской России из Антанты (тогдашнего «мирового сообщества») и заключением Брестского мира. В результате бывшие союзники организовали дипломатическую изоляцию, блокаду, интервенцию и пошли на расчленение Российского Государства в Версале.(14, с.55-88). Оба бифуркационных узла-события Мировой Истории были связаны с эпохами общеевропейских коалиционных войн и представляли собой акты взаимодействия, в ходе которых происходили качественная трансформация стран-систем, в них участвовавших, и коренной переворот в их политических отношениях. Под воздействием двух «ударных волн» (Северная война 1700-1721 гг. на Востоке и война за Испанское наследство 1701-1714 гг. на Западе Европы; Первая Мировая война) в моменты этих событий происходило скачкообразное изменение взаимодействующих социальных структур, их коренная «организационная перестройка», изменение их числа, а также изменение действия каждой из них.(3, с 43).

II. Начало СПб периода знаменовало встречное движение на Запад, в котором Власть была «впереди народа» (системы-страны в целом). Это движение привело к эксцентриситету Власти - перемещению её из геополитического центра страны на «крайнюю периферию» - границу с Внешней Средой («полем внешних воздействий»). Создание Санкт-Петербурга было эффектом Контрудара, нанесённого Россией Западу после исторического «отката» в эпоху «Смутного Времени» 1605-1618 гг., сопровождавшегося разрушением сложившихся международных связей, временным выключением страны из системы международных отношений, потерей выхода к морю, международной изоляцией и конфронтацией с соседними странами. (39, с.7-10). Сильный «откат» привёл к десинхронизации развития страны с Внешней Средой, преодолеть которую можно было только путём прорыва блокады на Западе и повышения степени «открытости» системы-страны - резкого увеличения интенсивности (частоты) и экстенсивности (количества) внешних связей в ходе «революции Петра»: «Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили своё значение в результате контрудара, искусно нанесённого западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию». (37, с.147-148).

III. В результате СПб оказывается созданным на сепаратрисе (линии раздела), отделяющей области притяжения двух аттракторов - России и Европы как «центров силы» в мировой политике.(22, с.64). СПб период истории выступает как «мировая линия» во времени, которой соответствует совокупность взаи-

мосвязанных структур (Европы и России как полиструктурных социальных систем), причём на время взаимодействия эти структуры объединяются в единое поле - геополитическое пространство, которое существует в процессе взаимодействия. Поскольку период взаимодействия между структурами является «событием», то весь СПБ период - это одно «затянувшееся событие» Мировой Истории: это историческое время, которое порождается в процессе взаимодействия двух социальных «сверхорганизмов» (Европы и России) и участвующих в нём стран-систем. (См: 15, гл.14,15). Эксцентриситет означает включение СПб одновременно в разные исторические циклы развития - Европы и России как различных отдельных самостоятельных Социальных Организмов. Поскольку СПб оказывается включён в несколько циклов, он выступает как недетерминированная система, соответствующая возможности выбора того или иного цикла, т.е. обретает относительную независимость и способность принятия стратегических решений - сохраняет историческую инициативу. СПб как отдельная структура («квант» волны) может сформироваться и существовать лишь при наличии непрерывного взаимодействия с «полем» (Европой) и предназначен для обеспечения такого взаимодействия. Это даёт системе-стране возможность эффективно приспосабливаться к быстро меняющимся внешним условиям, однако при этом страна в целом оказывается в критическом состоянии, на границе устойчивости. (27, с.384). Подобное размещение Центра Власти открывает дополнительное «окно уязвимости» - положение столицы в роли «Ахиллесовой пяты» и сравнительно высокая вероятность катастроф выступает как плата за высокую степень адаптации.(28, с.214). Это расположение военно-политического Центра страны, отражая важность функции контроля границ, одновременно означало определённый Риск: столица оказывалась в роли форпоста на возможном «направлении главного удара». Такое положение было возможно, пока сохранялся определённый баланс сил с внешней средой: когда в моменты резкого ослабления русского государства этот баланс изменялся в пользу Внешней Среды, столицу приходилось переносить в глубину страны. Эксцентриситет Власти, пограничное положение и тесная связь Контроллера, как проводника необходимых изменений извне, с характеристиками «силового поля» резко повышают риск перехвата управления со стороны Внешней Среды.(31, с.101) «Окно в Европу» оказывается «окном уязвимости» в плане нарушения Принципа двухканального управления и возможности перехода к экзогенному (внешнему) управлению: подчинения политики России внешним и чуждым ей целям, вовлечения страны в войны, противоречащие её интересам - вплоть до смены союзов и «перемены фронта» в ходе коалиционных войн (Семилетней войны 1756-1763 гг., наполеоновских войн 1798-1815 гг., Первой мировой войны 1914-1918 гг.) (4, с.135)

IV. Появление бифуркаций приводит с необходимостью к появлению механизма управления бифуркациями - Контроллера. СПб создаётся как Управленческий Механизм - Контроллер на сепаратрисе и оказывается связан как с характеристиками «силового поля» (внешней среды), так и с внутренними структурами Системы-Страны. Происходит резонансное согласование «Структуры» (России), порождающего «Поля» (Европы) и самого Контроллера - управленческого механизма Содержанием СПб периода в истории России и являлось это тройное резонансное взаимодействие, приводящее к эволюционному увеличению сложности и динамической устойчивости системы-страны и всей Мировой Системы.(2, с.116).

Рис. 1 Контроллер как механизм управления взаимодействием среды и системы

СПб выступал как контроллер, обеспечивающий *управление взаимодействием* Системы-Страны с окружающим её «Полем» (внешней средой), устойчивость режима её функционирования и безопасность существования. Поэтому СПб изначально возникает как **Военный Город:** «Петербург - это армейский штаб, а не столица нации» (21, с. 224), причём Запад неоднократно пытался закрыть это «окно в Европу». Не случайно СПб воплощает в себе ***«мужское начало»*** (и стиль) в русской истории и культуре - в понимании морали, добра и зла, в опоре на абстрактные понятия, правила и иерархию, ориентации на достижение результата, деловой стиль общения, на утверждение превосходства и собственной уникальности («военная столица»). В петербургский период истории России её ***Контроллеру*** приходилось решать сложную задачу активного преобразования Структурой (т.е. системой-страной) своего ближнего Поля, что порождало проблемы взаимодействия этого быстро развивающегося контроллера с управляющими структурами внешнего поля - ближнего и дальнего - и требовало совпадения двух обязательных условий: «Первое, общее - чтобы ведущие европейские державы, и прежде всего Англия и Франция, были по горло заняты внутренними делами, или же чтобы они ссорились, дрались друг с другом и в результате им было бы не до России. Второе, частное - чтобы ближайшие к русским границам великие державы, Пруссия и Австрия, постоянно боровшиеся за верховенство во внутригерманских делах, ради достижения своих целей искали сближения с Россией». (33, с.19). Эти условия совпадали далеко не часто, но именно с их совпадением связаны сами начало и конец СПб периода, а также основные достижения русской политики в этот исторический период. Своими успехами Россия была обязана периоду Великих Революций и войн на Западе: сначала американской революции и войне за независимость Соединённых Штатов (1775-1783 гг.), а затем Великой Французской революции и последовавшему за ней периоду революционных и наполеоновских войн (1789-1815 гг.). Пока державы на Западе Европы были заняты окончанием «второй столетней войны» между Англией и Францией за мировое господство, Россия смогла решить свои минимальные исторические задачи - обеспечить выход к Балтийскому и Чёрному морям, воссоединить утраченное после монгольского вторжения единство русских земель и - ***впервые в своей истории*** - ценой огромных жертв и усилий обеспечить относительную безопасность своих западных и южных границ.

V. Оба бифуркационных узла-события Мировой Истории, «окаймляющие» СПб период, привели к *устойчивым необратимым изменениям* «полей» - Внешней Среды. В обоих случаях ***Контроллер*** был вынужден принимать решения, переходить к *новым стратегиям* и выполнять такие изменения структуры Системы-Страны и самого управляющего механизма (Контроллера), которые обеспечивали бы *выживание в новых условиях* - в соответствии с изменившимся полем. Начиналась новая историческая эпоха - *новое историческое время* в жизни страны - происходила смена исторической модели действительности - «парадигмы» исторического самосознания России, осуществлялось изменение её высшей (геополитической) стратегии: 1) в первом случае это ***Стратегия Адаптации*** - присоединение для устранения опасности и установление удобного пункта наблюдения за тем сектором среды, откуда могла исходить угроза. Происходил de facto отказ от концепции «Москва - Третий Рим» и переход к полицентрической картине мира; 2) во втором - это ***Стратегия Средообразования*** - активного преобразования Среды - своего «ближнего поля» таким образом, чтобы эти изменения компенсировали все возможные неблагоприятные влияния изменения этого Поля. Это была концепция моноцентризма: перемещения центра Мировой Революции в Россию, которая требовала *сильно развитого и всё более развивающегося гомеостатического Контроллера* Системы-Страны и вызывала проблемы в его взаимодействии с управляющими структурами Внешнего Поля (Европы) и порождающей управляющей структурой собственной страны. Бифуркационные события - переходы были связаны со сменой «ментальности» - *перестройкой Контроллера* на новую политическую концепцию более универсального характера и переходом к многоцелевому планетарному («глобальному») мышлению.

VI. При каждой бифуркации давалось новое ***нравственно-политическое определение*** Абсолютной Власти, причём каждый раз - как **«Служения»:** в первом случае «благу общему, пользе всенародной», во втором - «делу мирового пролетариата», но отнюдь не частным интересам. При этом «новое мышление» - т.е. построение модели поведения осуществлялось *совместно связанными механизмами управления* страны-системы и «поля» (России и Европы). Фактически в ходе обеих бифуркаций («революции Петра» и «революции Ленина») порождался ***новый Контроллер:*** происходили *управленческая и культурная революции*, менялись формализованная знаковая система - ***Язык Управления***, тип организационного поведения и организационной культуры (26, с.221), производились изменения алфавита (гражданского шрифта) и календаря (системы отсчёта времени), изменялась ***Сигнатура*** - *государственная символика* Системы-Страны (герб, гимн и флаг). Эти *управленческие нововведения* внедрялись при наличии некоторых *заранее предложенных моделей*, заимствованных из Внешней Среды - «Поля», т.е. у Европы. В обоих случаях нарушался фундаментальный **Принцип наименьшего действия:** задачи управления каждый раз ставились «по максимуму» - *Горизонт Событий* резко расширялся как в *Пространстве* (ориентация не

на ближнюю среду - Восточную или Центральную Европу, а на дальнюю - Запад Европы: ее «морские державы» Англию и Голландию), так и во *Времени* (на Мировую Революцию и построение будущего коммунистического общества). Резонансное согласование с изменившимся «Полем» - очередной ***«Великий Синтез»*** - каждый раз *высоко оплачивался:* энергия этого синтеза никогда не выражалась вкладом (т.е. привлечением в страну извне) нового капитала, а лишь расходом - то, что выигрывалось с одной стороны, терялось с другой - всё создавалось лишь ценой соответствующего разрушения. При этом *Стратегия Средообразования* как наиболее «дорогая», требовала гораздо больших инвестиций, жертв и усилий - максимума проделанной работы, затрат энергии и производимой энтропии. Поэтому **«исторический откат»** от целей и достижений периода «бури и натиска» в обоих случаях был неизбежным: как при преемниках Петра Великого («Дело Петра эти люди не имели ни сил, ни охоты ни продолжать, ни разрушить; они могли его только портить», - отмечал В.О.Ключевский), так и после периода «военного коммунизма». В 1920 г. английский философ Б.Рассел по впечатлениям своей поездки по Советской России сравнивал В.И.Ленина с О.Кромвелем: «Оба они стремились принудить свои страны к жизни на более высоком уровне нравственности и стойкости, чем их население могло выдержать. ... Если большевики всё-таки потерпят поражение, причина этого будет та же, что и у пуритан: начиная с какого-то момента люди не выдержат суровой жизни, они возжаждут наслаждений и покоя больше всех других благ, вместе взятых». (35, с.17).

VII. Создание СПб означало возврат к дуализму и бицентризму социального организма Русской Земли времён Киевской Руси: бинарная оппозиция *«Север-Юг»* (Вел.Новгород-Киев), сменяется на оппозицию *«Запад-Восток»* (СПб-Москва). Исторически это соответствовало переходу системы-страны от ***морского периода*** с тяготением к внутренним морям (Балтийскому и Черноморско-Средиземноморскому бассейнам), через сугубо континентальный период (Московского Царства) - к ***океаническому периоду*** Мировой Истории - Северо-Атлантическому со сдвигом центра тяжести Мировой Системы и всей мировой политики на Запад Европы.(25, с.338). В физико-географическом (т.е. геополитическом) плане следует подчеркнуть *открытый и транзитный* характер местности, на которой основан СПб - здесь издревле проходил путь (через Ладогу) «из варяг в греки» и на Восток: через Волгу и Каспий в Иран, Индию и Центральную Азию.(6, с. 330). На этом пути СПб стал преемником Великого Новгорода, павшего в неравной борьбе. Открытый и транзитный характер территории и крайняя трудность обороны границ определяют невозможность регулирования путём изоляции и делают СПб и всю систему-страну изначально ***Открытой Системой,*** для которой именно Внешняя Среда является **системообразующим фактором.** Для управления Открытой Системой необходимо сохранять контроль над ***Входами и Выходами*** во Внешнюю Среду, которые находятся на границах системы-страны - обеспечивающими, которые дают стране необходимые ресурсы, и сигнальными, поставляющими информацию. Этим объясняется «привычка» русских размещать столицу на границе своего государства: СПб на Севере (как ранее Киев на Юге) находился на самом краю страны - он контролировал один из главных Входов системы и, управляя потоком (людей, денег, товаров, идей), позволял регулировать потоки нововведений и темпы преобразований (18, с 133). Расположение столицы отражало *ориентацию* на ключевой сектор Внешней Среды - **Доминирующий фактор Выживания:** отношения с Западом и поддержание «европейского равновесия» - баланса сил европейских держав. Разрушение этого равновесия во время Первой мировой войны означало конец роли СПб как столицы Империи. Дуализм **«Леса» и «Степи»** как двух доминант культурной модели русской цивилизации Киевского периода, сменяет дуализм **«Моря» и «Суши»** в СПб период (7, с.12). При этом СПб выступает как *морская столица великой сухопутной державы*, которая простирается меж двух океанов - от Атлантики до Тихоокеанского бассейна. Этот дуализм выражается в наличии двух столиц: географически Российская Империя была расположена как в Европе, так и в Азии, что предполагало бицентризм, в котором СПб становится *европейской столицей* государства, в то время как Москва остаётся сухопутной столицей *Азиатской России.*

VIII. Вместе с тем СПб не «европейский» и не «азиатский» город: ***бинарная оппозиция*** «Европа-Азия» (как и их «евразийский» синтез) - это геополитика пространств. СПб же возник как результат действия сверхпространственных сил (raumueberwigendeKraefte), недаром по финской легенде он был спроектирован на небесах и затем «спущен» в дельту Невы. Не случайно работа Х.Гюйгенса «Космотеорос» была по инициативе Петра I дважды издана на русском языке в первой четверти XVIII в. (5, с.108). СПб период истории России - это не просто политика Пространств (*геополитика),* Времени (*хронополитика*) или Нации (*этнополитика*): СПб не принадлежит ни к Геосфере, ни к Биосфере или Социосфере, он относится к более высокому уровню Иерархии мироздания. Как ***Контроллер*** - информационно-управляющая система, осуществляющая выбор вариантов действий, СПб имеет свою собственную виртуальную структуру (*«душа Петербурга»)* и своё внутреннее виртуальное время (*«Пулковский меридиан»).* Эта система образцов-моделей действия людей и культуры (специфическая энергоин-

формационная структура) является ***фрактальным множеством,*** обладающим масштабной инвариантностью и принадлежит к ***Ноосфере.*** В этом плане СПб существует вне времени и пространства (и в этом смысле он вечен, совершенен и бессмертен - «Вечный Город», подобно Риму). В качестве **фрактала** СПб является *моделью-предтечей сотворенных вещей* и поэтому изначально безразличен к наличному состоянию Природы и Общества - он сам в определённом смысле творит Природу («вторая природа» - культура и «техносфера»), Историю (историческое время - СПб период русской истории) и Общество (перестройка всего социального организма России на иной режим работы). Однако он взаимодействует с Пространством и Временем, будучи связан с пространственным миром в *Начале Времени* - СПб периода истории России. Как процесс с постоянной скоростью изменения энтропии СПб не является независимым от начала отсчёта времени - он даёт это начало и формирует направление-вектор исторического времени. Как только эта конфигурация возникла, она перестаёт меняться и дальнейшее историческое развитие происходит лишь по заданному сценарию до тех пор, пока не происходит следующее бифуркационное событие. СПб возник не просто по «произволу монарха» и представлял собой отнюдь не «город-каприз царя Петра» и тем более не его «блестящую ошибку» (1, с.35-42). Поэтому колебания политического курса в 1728-1730 гг. при Петре II и попытки возвращения столицы в Москву не имели успеха: СПб оказался ***аттрактором*** - асимптотически устойчивым решением, окружённым областью притяжения, в которую неизбежно вовлекалась политика России и её творцы. Основание СПб являлось кардинальным политическим решением, нацеленным на достижение комплекса преимуществ - это была дорогостоящая операция, в ходе которой постепенно исчерпывался первоначальный порыв. Это был *международный проект*, в реализации которого участвовали учёные с мировым именем и в ходе которого впервые в Европе научная деятельность стала профессией, так как учёным была установлена и выплачивалась заработная плата, притом вполне достаточная, чтобы жить только за счёт научного труда (29, с.34). СПб устремлён в будущее, это город Науки и Культуры, европейского образования и передовой техники («технополис»). Будучи возведён в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях, СПб выступает предвестником создания *Городов Будущего* как новой среды обитания человека, независимой от природных условий (во льдах Арктики, на дне океанов, в открытом Космосе и т.д.). Однако как *Город Будущего* он превышал как научно-технические возможности своего времени, так и социально-экономические возможности страны и мог поддерживаться только с крайним непрерывным напряжением её усилий (34, гл.IV). Как **Мировой Город** СПб одновременно являлся имперской *столицей* (как Рим, Константинополь) и магистральным *путем сообщения* («Дорога на Запад»), и военно-оборонительным сооружением (*Цитадель* - Burg: замок, твердыня, а не Stadt, город), и *Гробницей* (усыпальницей) как властителей, так и сотен тысяч своих строителей и защитников (гекатомба).

IX. Находясь на сепаратрисе, СПб в буквальном смысле слова оказывался ***«сверхстранным аттрактором»*** - странным явлением как для участников событий, так и для внешних наблюдателей: он имеет ***«двойственность»*** - две частоты колебаний, в результате вся Система-Страна вступает в пору неопределённости, она мечется между двумя возможными состояниями.(19, с.199). Как «европейская столица» России СПб является частью социального организма Европы: частью в каком-то смысле объединяющей Европу и Россию как две входящие в единое целое подструктуры, но при этом сам он не входит полностью ни в одну из них (т.е. не включается на тех же основаниях, что и остальные их части). Выступая как **Агент Изменения** (порождающий Контроллер) по отношению к России, он в то же время является проводником влияния в обоих направлениях - как Европы, так и Азии (чего ему никак не могли простить в Европе). Отсюда проистекала ***бистабильность*** восприятия СПб в целом как в Европе, так и в самой России.(24, с.132). СПб период как «затянувшееся событие» русской истории представлял собой *квазистационарное состояние:* неустойчивость демонстрирует вся эпоха заговоров и «дворцовых переворотов» (до восстания декабристов 1825г. включительно). Эти колебания («рыскание») свидетельствуют, что страна оказывается в ***области бистабильности***, где она интерпретируется и как европейская и как азиатская держава, в зависимости от *«порядка просмотра»* - с Запада на Восток или в обратном направлении, причём как с точки зрения внешнего наблюдателя, так и членов-участников самой системы - западников и славянофилов внутри страны.(11, гл.III).

Компрессия исторического времени и резкое ускорение хода исторического развития страны вели к усилению *«сущностного анахронизма истории»* и к «совмещению несовместимого» - одномоментному бытию разновременных исторических пластов: **Дикости-Варварства-Цивилизации**, что ещё более усиливало бистабильность её восприятия. Занимая пограничное положение и являясь проводником перемен подобно «дверям» и «окнам» системы-страны, Контроллер одновременно действовал подобно буферу, смягчающему воздействие изменений внешней среды. Эта функция контроля границ приводила к стрессовому состоянию его личного состава, располагавшегося на границе двух различных социальных систем и постоянно взаимодействовавшего с внешней средой.

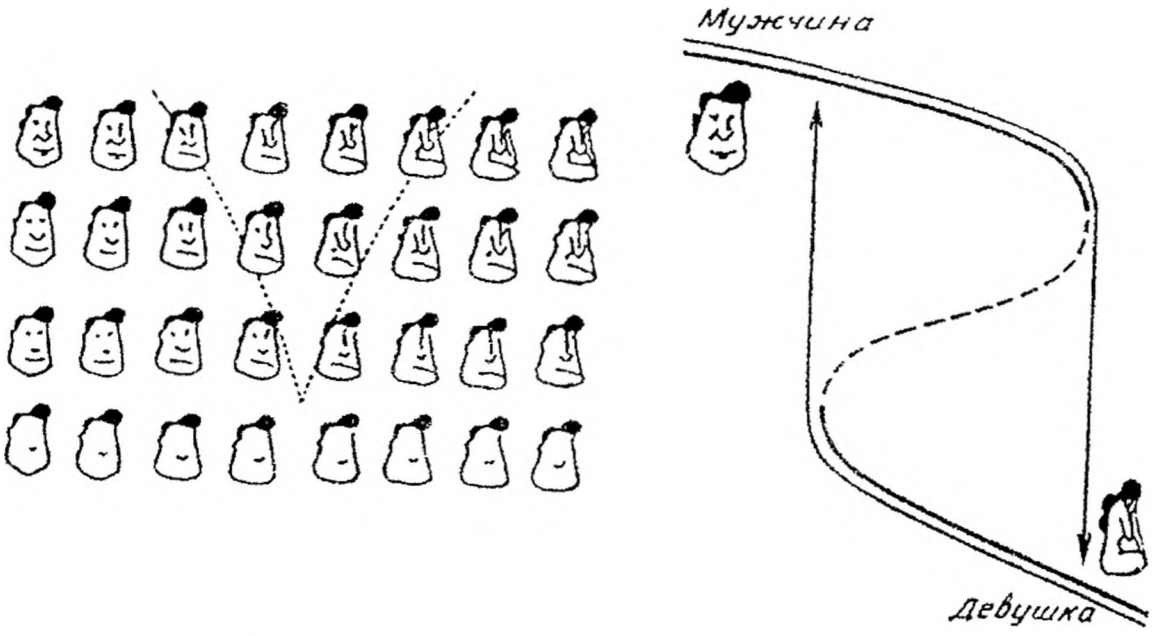

Рис. 2 Бистабильность восприятия в зависимости от «порядка просмотра»

X. Как определённый ***Проект Будущего***, СПб задавал ориентацию на будущее и обеспечивал динамичность - жизнеспособность Государства, являющегося текучей, вырождающейся и разлагающейся «вещью». СПб выступает как оригинал и источник, основание этой «вещи» - Государства, причина её существования, постоянно поддерживающий её принцип, благодаря которому она существует. Поэтому подъём и расцвет СПб неразрывно связаны с подъёмом и развитием Российского Государства, а упадок - с упадком последнего. Ориентация на Будущее обеспечивает ***динамичность, т.е. жизнеспособность*** Государства, представляющего собой **Центральную Программу Организации** человеческого поведения - план действий, обеспечивающий совместное существование с целью осуществления единой всеобщей деятельности. Государство основывается на приверженности людей к осуществлению **Проекта** этой деятельности и обеспечивает слияние различных народов в единое политическое сообщество (30 с.196-197). Как ***процесс создания Будущего*** Государство основывается на единодушии людей с действиями институтов управления, которое осуществляет каждый политический субъект, т.е. любой человек, который отдаёт силы общему делу. Переход к *Стратегическому Управлению, ориентированному на Будущее,* требовал соответствующего личностного обеспечения - *исключительной исторической Личности,* для которой дело преобразований было бы её ***Личным Делом.*** Поскольку же ***Смысл*** осуществляемых нововведений (т.е. их конечные результаты) был обращён к Будущему, постольку по своей природе он не мог быть вполне понятен большинству современников и мобилизовать с их стороны единодушной поддержки управляющих институтов. Необходимость преодоления сильного сопротивления нововведениям приводила к управлению в условиях конфликта, когда руководители становились проводниками необходимых изменений в условиях враждебной, активно сопротивлявшейся внутренней и внешней среды.

СПб как **Проект Будущего** знаменовал переход к *Проектному Управлению*, при котором главным фактором развития системы-страны (основным «Агентом Изменения») становилось развитие её ***Системы Управления*** как «ядерной» - ключевой подсистемы социального организма. При этом приходится принимать во внимание не столько «*Характерное Время*» объекта изучения (системы-страны), сколько периодичность изменения управляющего фактора. Методы осуществления преобразований зависели от *типа* проектируемой системы и от *стиля мышления* участников процесса управления - проектировщиков и высших руководителей, являвшихся т.н. «аутсайдерами» - внешними участниками по отношению к проектируемой системе, стоявшими *вне неё и над ней*. Поэтому проектирование осуществлялось «извне» и «сверху»: планируемые изменения проводились в жизнь *автократическим* (приказным - в порядке царских указов) и *технократическим* (через внедряемые извне «прожекты», программы и планы) способом. Внедрялся «механистический» иерархический тип организационной системы, соответствовавший собственным идеалам проектировщиков («социальных технологов») и руководителей

(«стратегической элиты»), построенный с помощью «рациональных» принципов и методов.

XI. Начало и конец СПб периода связаны с переходом к новой, *более высокой форме* государственности и резким повышением степени открытости Системы-Страны в целом. Тройное резонансное взаимодействие, приводящее к эволюционному увеличению сложности и устойчивости структуры Системы-Страны означало локальное введение неоднородности - изотропности (эгалитарности) в принудительном порядке (государственные «феодализм» и «социализм»). В СПб периоде это выразилось в окончательном становлении («замораживании») крепостного права, подавлении последней мощной волны народного сопротивления (пугачёвского восстания) и временной стабилизации режима после Екатерины II, а также в становлении служебной иерархии и эмансипации дворянства как «правящего класса» - функционеров режима. Содержание-Вектор СПб периода русской истории составляет вызревание новых систем управления - переход от раннегосударственных патриархально-клановых структур эпохи Московского Царства к «просто государству» - господству бюрократии. (10, с.94). Это «вызревание» включало изменение: 1) *политической формы* государства - от Московского Царства к Российской Империи, и типа Власти-Господства (Herrschaft) - от традиционного к бюрократическому (16, с.303-306); 2) *типа общественных отношений* - к насаждаемому «сверху» государственно-бюрократическому феодализму (8, с.241-244); 3) *модели государства* - «модели групп» (государство-вотчина московских царей) на «модель систем»: государство как *военно-техническая машина* с властно-административными функциями и аппаратом управления как строго централизованной системой (12, с.221-224); 4) типа *военной организации* - от иррегулярного дворянского ополчения, стрельцов и казаков к регулярной армии и флоту; 5) модификации *Принципа Иерархии* - от сословно-аристократической («местничества») к **Служебной иерархии** («Табель о рангах»); 6) Императорский **Двор** как сложный социальный организм становится ведущим *«Параметром Порядка»* - источником власти и гарантом стабильности всей целостной социополитической системы -страны. Доминирование Двора и тенденция к сверхцентрализации управления определяли организационные формы придворной жизни, заимствованные от церкви и армии (38, с.394-440). Патриарший Двор, как его возможный конкурент, был устранён и власть духовная («Русский Храм») была полностью поставлена под контроль светской власти, для Русской Церкви начался синодальный период её истории: «Церковь была в буквальном, техническом смысле обезглавлена» (17, с.312)

В течение всего СПб периода система-страна на каждом последующем шаге развития включала в себя новые структуры внешней среды. Поражение в русско-японской войне 1904-1905 г. было симптомом окончания данного периода как сценария развития, свидетельствовало об утрате способности к дальнейшей экспансии, а поражение в Мировой войне означало полное исчерпание СПб периода истории России (См., напр.: 32, с.164; 36, с.368) В связи с резким возрастанием турбулентности Внешней Среды («поля»), ускорением темпов социально-исторического развития под воздействием Мировой войны и исчерпанием одного из Проектов Будущего происходит переход к новому Проекту - от *Мирового Государства к Мировой Революции* («перманентной революции»), а затем к «сверхгосударству» - власти модернизированной бюрократии, превратившейся в самостоятельный организм, отделившийся от общества и паразитирующий на нём (новый правящий класс - «революция менеджеров») (13, с.565), в условиях превращения хозяйства всей страны в «единую фабрику»: к государственно-монополистическому капитализму в его высшем развитии («социализм») (20, гл. 10)

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Город-каприз царя Петра. - Вестник института Кеннана в России, № 2, 2002.
2. Басин М А. Волны. Кванты. События: Волновая теория взаимодействия структур и систем. Часть 1. - СПб : Норма, 2000.
3. Бранский В.П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. - СПБ.: Изд-во СПб Акмеологической Академии, 2000.
4. Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. - М.: «Кучково поле», 2002.
5. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. - В кн.: Грёзы о Земле и небе: Антология русского космизма./ Сост., вступ. ст., коммент. О.А.Карчевцева. - СПб.: Худож. лит., 1995.
6. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Пер. с англ. Е.П.Беренштейна, Б.Л.Губмана. - Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 2000.
7. Вернадский Г.В. Русская история: Учебник. - М.: «Аграф», 1997.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995.
9. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. (История дипломатических отношений в 1697-1710 гг.). - Л.: Наука, 1986.

10. Высшие органы государственной власти и управления России, IX-XX вв.: Справочник./Под общ. ред. А С.Тургаева. - СПб.: Изд-во СЗАГС; Изд-во «Образование-Культура», 2000.

11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. - СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, Изд-во «Глаголъ», 1995.

12. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. - М.: «Мысль», 1978.

13. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. - М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000.

14. История дипломатии. Т. 3. /Под ред. акад. В.П.Потёмкина. - М.- Л.: ОГИЗ, 1945.

15. История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII-XVIII века). - М.: Наука, 1994.

16. Карпович М.М. Имперская Россия (1801-1917 гг.). - В кн.: Вернадский Г.В. Московское Царство. Часть 2. - Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 2000.

17. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. - М.: «Терра», 1992.

18. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Книга первая.- Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

19. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. - М.: Наука, 1983.

20. Корицкий Э.Б., Нинциева Г.В., Шетов В.Х. Научный менеджмент: российская история. - СПб.: Изд-во «Питер», 1999

21. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. под ред. В.Мильчиной; коммент. В.Мильчиной и А.Осповата Т. 1. / Пер. В.Мильчиной и И.Стаф. - М : Изд-во им Сабашниковых, 1996.

22. Лукин В.П «Центры силы»· концепции и реальность. - М.: Междунар отношения., 1983.

23. Макродинамика. Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений./Под ред. Н.С.Розова. - Новосибирск. Наука, 2002

24. Малинецкий Г.Г. Хаос. Структуры. Вычислительный эксперимент: Введение в нелинейную динамику. - М.. Наука, 1997.

25. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки; Статьи/Сост., предисл., примеч Евдокимова В.И. - М.: Изд. Гр. «Прогресс». «Пангея», 1995.

26. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / Пер. с англ. под ред. Ю.Н.Каптуревского - СПб.: Изд-во «Питер», 2000.

27. Мысин Н.В. Теория и история социального управления: Опыт России и зарубежных стран. - СПб.: изд-во СЗАГС; изд-во. «Образование-Культура», 2000.

28. Новое в синергетике. Загадки мира неравновесных структур. - М.: Наука, 1996.

29. Орел В.М. Национальная безопасность в истории Российской академии наук. - В кн.: Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, научно-технические аспекты. - М.: Наука, 2000.

30. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Пер. С Васильевой.- В кн.: Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литертатуре и искусстве. Сборник. Пер. с исп. - М.: Радуга, 1991.

31 Очерки истории российской внешней разведки· В 6-ти тт. - Т. 1: От древнейших времён до 1917 г. - М.: Междунар. отношения, 1999.

32. Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. - 2-е изд. - М.: Междунар. отношения, 1991. (Россия в мемуарах дипломатов).

33. Потёмкин Г.А. От вахмистра до фельдмаршала Воспоминания. Дневники. Письма. (Серия «Государственные деятели России глазами современников».) Книга 1. - СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2002.

34. Пыляев М.И. Старый Петербург. - Л.: «Титул», 1990.

35. Рассел Б. Практика и теория большевизма. - Пер. с англ. изд. 1920 года. - М.: Наука, 1991.

36. Сазонов С.Д. Воспоминания. - М.: Междунар. отношения, 1991. (Россия в мемуарах дипломатов).

37. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Пер. с англ./Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. Ст. Рашковского Е.Б. - М.: Прогресс, 1991.

38. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII - начало XX в. - СПб.: «Искусство-СПб», 1999.

39. Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т. 3. Московское Царство. - СПб.: «Алетейя», 1999.

РАСКИН ВАДИМ НАУМОВИЧ
к.пс.н., доцент, зав. кафедрой психологического тренинга

МАТЕМАТИКА И ПСИХОЛОГИЯ: ОЧЕВИДНОЕ И НЕВЕРОЯТНОЕ
(из опыта преподавания курса «Математические методы в психологии»)

АННОТАЦИЯ. *В статье рассмотрены некоторые когнитивные механизмы изменения субъ-ективной картины мира человека при получении им новой информации. Описаны возможные варианты (корректные и некорректные) этого процесса и приведен вероятностный алгоритм, моделирующий его структуру Знание приведенные в статье когнитивных процессов может быть полезным при проведении психолого-социальной и психокоррекционной работе*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *математические методы в психологии, теорема Байеса, субъективная картина мира, принятие решения.*

Не только среди студентов, но и среди специалистов распространен следующий взгляд на роль математики в психологии и других социальных науках: математическая обработка нужна для обнаружения некоторых, в принципе предсказуемых и перечислимых, закономерностей в предварительно собранных данных, в частности, для подтверждения гипотезы исследования, выдвигаемой чаще всего задним числом, и для представления научной общественности (членам экзаменационных комиссий, читателям статей и т.д.) результатов исследований в гребуемой математической «упаковке». Роль математики, согласно этому представлению, вторична по отношению к содержанию исследования – она заключается в обосновании выдвинутых предположений и наведение наукообразного лоска. Способность же математики служить инструментом открытия неочевидных закономерностей не осознается и потому не учитывается

В настоящей статье описывается опыт применения одной из теоретико-вероятностных моделей (теоремы Байеса) для обнаружения и описания некоторых особенностей мышления человека при получении им новой информации.

В качестве структурной модели анализируемого процесса, представленной на рис. 1, принята когнитивно-бихевиоральная модель, состоящая из следующих элементов:

- S – новая информация,
- СКМ субъективная картина мира,
- R - реакция, решение, принимаемое человеком в результате обработки поступившей информации,
- F – доступные данному человеку способы обработки информации и преоб-разования СКМ (передаточные функции от S к R).

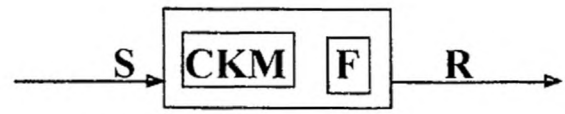

Рис. 1 Структурная модель анализируемого процесса

В терминах теории вероятностей перечисленные элементы модели определяются следующим образом:

- S – событие, могущее произойти с одним из событий H_i;
- СКМ состоит из:
  - совокупности событий H_i ($1 \leqslant i \leqslant m$), которые интерпретируются как гипотезы, сформулированные до получения информации S;
  - совокупности априорных вероятностей этих гипотез $P(H_i)$;
  - совокупности условных вероятностей $P(S/H_i)$ - вероятностей события S при условии, что происходит одно из событий H_i;
- R – апостериорные вероятности гипотез Hi: P(Hi/S) – пересмотренные значения вероятностей событий Hi после получения информации S;
- F – совокупность различных способов обработки информации S и коррек-тировки своей СКМ, в нашем случае совокупность различных способов преобразования $P(H_i)$ в $P(H_i/S)$ при получении информации S.

Процесс адекватного реальности определения вероятностей апостериорных гипотез $P(H_i/S)$, и тем самым коррекции СКМ, описывается формулой Байеса:

$P(H_k/S) = [P(H_k)P(S/H_k)] / \Sigma [P(H_i)P(S/H_i)]$, где H_k - одна из гипотез H_i.

Пример 1. «Кто сказал «Мяу»?»

Мультфильм «Кто сказал «Мяу»?» является хорошей иллюстрацией Байесовского процесса.

• до получения информации S («Мяу») в СКМ щенка входит знание о сущес-твовании и частоте встречаемости m субъектов, способных производить звуки: гипотезы H_i ($1 \leqslant i \leqslant m$) и априорные вероятности этих гипотез $P(H_i)$;

• в силу малого жизненного опыта щенок не знает, кто из m субъектов говорит «Мяу»: условные вероятности $P(S/H_i)$;

• поэтому щенок не может определить невидимого субъекта, сказавшего «Мяу», т.е. не может, говоря вероятностным языком, высчитать апостериорные вероятности гипотез $P(H_i/S)$;

• в результате накопления жизненного опыта, задавая каждому встречаемому субъекту вопрос «Ты сказал «Мяу»?» (что на вероятностном языке равносильно $P(S/H_k)$=?) и получая соответствующий ответ (во всех случаях, кроме случая с кошкой, отрицательный), щенок приходит к правильному решению, определив апостериорную вероятность $P(H_k/S)$.

Таким образом, у щенка процесс уточнения СКМ проходит в соответствие с теоремой Байеса, что приводит его к верному решению.

Не то – у человека, которому часто мешают придти к правильному решению неадекватные мотивы и эмоции, стремление защитить (часто за счёт другого) свою самооценку, Я-концепцию. Процесс принятия решений (корректных или некорректных) может быть представлен в виде вероятностного алгоритма (Рис. 2), являющегося расширением и конкретизацией принятой нами структурной модели.

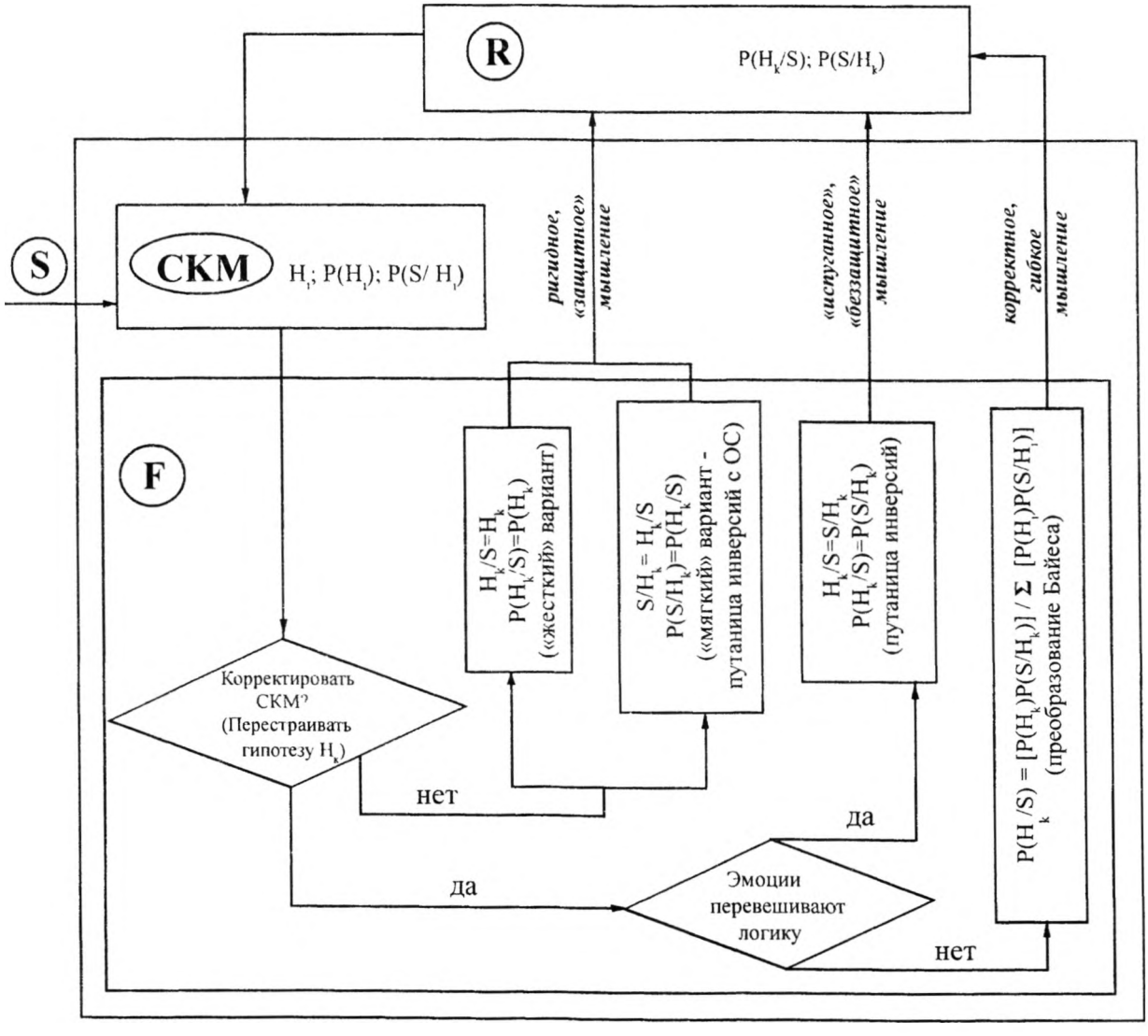

Рис. 2 Вероятностный алгоритм процесса принятия решения

Приведённые ниже примеры иллюстрируют различные варианты решений, описываемые этим алгоритмом.

Пример 2. Межэтнические предубеждения.

Пусть в некотором государстве живут граждане двух национальностей – белые и чёрные. Известна статистика преступности среди представителей той и другой национальности:

- граждан белой национальности – 80% : $P(Н_б) = 0,8$,
- граждан чёрной национальности – 20% : $P(Н_ч) = 0,2$;
- преступников среди белых – 1% : $P(прест/Н_б) = 0,01$, среди чёрных – 2% : $P(прест/Н_ч) = 0,02$;

Совершено преступление, но преступник неизвестен. Спрашивается, что будут думать по этому поводу белые граждане, имеющие предубеждения против чёрных

Используя имеющуюся статистику и проведя вычисления по формуле Байеса, определим вероятности совершения преступления представителями каждой из двух национальностей.

Имеем: $P(Н_ч/прест) = [P(Н_ч)P(прест/Н_ч)]/ \Sigma [P(Н_i)P(прест/Н_i)] = 0,2 \times 0,2 / 0,2 \times 0,02 + 0,8 \times 0,01 = 1/3$;

$P(Н_б/прест) = [P(Н_б)P(прест/Н_ч)]/ \Sigma [P(Н_i)P(прест/Н_i)] = 0,8 \times 0,01 / 0,2 \times 0,02 + 0,8 \times 0,01 = 2/3$,

Однако белый человек, имеющий националистические предубеждения в своей СКМ, проигнорирует противоречащую ей информацию, и за счет выведения из под критики «своих» и принижения «чужих» сделает вывод, что преступник скорее всего, если не наверняка, черный гражданин. Говоря математическим языком, он примет условную вероятность того, что преступник является черным, за безусловную вероятность этого события, «путая» событие $Н_ч/прест$ с событием $Н_ч$ и делая окончательный «жесткий» вывод: сколько черных, столько и преступников. Этот вывод даст ему возможность сохранить свою СКМ, повысить самооценку, оправдать накопившуюся агрессивность, направляя ее на черных граждан, в одобряемое его референтной группой русло.

В «мягком» варианте национализма, правильно «высчитав» по формуле Байеса вероятность $P(Н_ч/прест)$, подменяют этой вероятностью исходную вероят-ность: $P(прест/Н_ч) = P(Н_ч/прест)$, искажая тем самым объективную статистику. Таким образом, место объективной статистики: 2% черных – преступники, занимает «субъективная» статистика: 1/3 черных – преступники. Эту «ошибку» можно назвать «путаницей инверсий с обратной связью», так как правильно высчитанная вероятность $P(Н_ч/прест)$ оказывает обратное влияние на исходную информацию, подменяя ее.

В обоих вариантах национализма описанная картина соответствует следующей логике:

- если преступник Джон – белый, то Джон – преступник,
- если преступник Джон – черный, то черные – преступники,
- с той разницей, что в «жестком» варианте все черные – преступники, а в «мягком» варианте – только 1/3.

Пример 3. Опасность для жизни [1].

У женщины при медицинском обследовании обнаружено уплотнение в груди. Известно, что вероятность рака в этом случае 1 из 100 [P(рак)=0,01]. Для уточнения диагноза женщина проходит маммографию, которая выявляет 80% злокачественных [P(+/рак)=0,80; событие «+» – диагностирован рак] и 90% доброкачественных образований [P(–/не рак)=0,90; событие «–» – диагностировано доброкачественное новообразование]. В результате обследования получен неблагоприятный диагноз – рак. Какова теперь, после получения этой информации, оценка вероятности заболевания раком?

Обычно субъективные оценки вероятности рака в этом случае попадают в интервал от 70% до 90%. Однако истинная вероятность, высчитанная по формуле Байеса, равна 7,5%.

P(рак/+) = [P(рак) · P(+/рак)] / [P(рак) · P(+/рак) + P(не рак) · P(+/не рак)] = 0,01 ? 0,80 / (0,01 ? 0,80 + 0,99 ? 0,1) = 0,075 = 7,5%

Ошибка в оценке вероятности рака состоит в том, что люди считают шансы рака при положительном диагнозе равными шансам положительного диагноза при раке. Эта ошибка, названная «путаницей инверсий», характеризует «испуганное» мышление, дезорганизованное получением пугающей человека информации.

Знание перечисленных особенностей человеческого мышления может быть полезным при проведении психолого-социальной или психокоррекционной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плаус Скотт. Психология оценки и принятия решений. – М.: ИИД «Филинъ», 1998.

СЕРОВ НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ

д.к., профессор кафедры гуманитарных наук

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИНТЕЛЛЕКТА

АННОТАЦИЯ: *Выдвинуто предположение о существовании архетипической («атомарной») модели интеллекта (АМИ), которая была объективирована в цветовых канонах историей мировой культуры. Экспериментально выявлена связь гендерного распределения «атомарных» компонентов АМИ с предпочтительными цветами. Подтверждена связь идеального (распредмеченного цветового концепта) с материальным, то есть с опредмеченным в словах тестов, с одной стороны, и в окрасках стимульных образцов, а также в вербальных цветообозначениях, с другой. Показан многомерный характер шкалы «маскулинность - феминность»*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *психосемантика цвета, гендер, атомарная модель интеллекта, вербальные и визуальные тесты, асимметрия цветовосприятия*

По объективным причинам в психологии не существует общепризнанной теории и даже модели «сознания» в силу индивидуальности, субъективного характера его проявления и замкнутости во внутреннем мире («Сколько исследователей -- столько и моделей»). В хроматизме же были выявлены его межиндивидуальные предикаты, объективированные многотысячелетним развитием системного моделирования человеческих взаимоотношений. С учетом актуальности хроматической модели для психологии попытаемся выявить работоспособные точки их позитивного соприкосновения.

Во-первых, остановимся на методологической доктрине изучения «сознания», истоком которой до последнего времени являлась материалистическая гносеология. Характерные примеры взяты из обзора В.М.Аллахвердова (1): Физическое, биологическое..., социальное – все это влияет на содержание сознания и его работу, но из всего этого само сознание, как субъективное чувство осознанности, невыводимо. (1, с. 246). В самом деле, на уровне гносеологии идеальное из материального научно невыводимо, тогда как в хроматизме они взаимообусловлены единым процессом переработки информации и функционально выводимы друг из друга, – аналогично психологии, взаимосвязанной законами психофизики и социопсихологии.

Вместе с тем, приведенные выше слова свидетельствуют об отсутствии четкой методологии: «Сознание» ускользает от объяснения, - констатируют психологи.- Впрочем, прежде всего надо договориться, как вообще можно что-либо объяснить. Об этом говорит и проблема выбора между различными путями познания: логический, мистический, практический, путь естественной науки и путь науки гуманитарной. И надо выбрать сам путь, выбрать язык, выбрать критерии, позволяющие принимать решение об успешности сделанного объяснения (1, с. 43).

По-видимому, методология хроматизма - с естественно-научной направленностью методов, междисциплинарностью моносемантического тезауруса и универсальными критериями истинности - здесь оказывается весьма актуальной. Как нам кажется, именно это и привлекает все большее внимание исследователей, разрабатывающих семантические аспекты существования личности во внешней среде. Использование универсалий хроматизма дало исследователям совершенно новые пути развития, согласованные с тысячелетиями развития человеческой культуры. С другой стороны, психология как наука оперирует формальной логикой понятийности, тогда как хроматизм - представлениями семантической логики, объективированными в цветовых концептах. Поэтому хроматический концепт цвета должен быть согласован с понятиями психологии на всех уровнях «сознания». И здесь еще, очевидно, предстоит много работы.

Цель психологии -- создание общепризнанной теории «сознания» – ранее казалась недостижимой из-за упомянутых сложностей. Вместе с тем, информационная модель живых саморазвивающихся систем построена не на базе субъективных данных какого-либо контингента испытуемых, а на общепризнанных канонах идеализации человека. И здесь психология вплотную сблизилась с хроматизмом, где идеализация является сущностным свойством, которое – в отличие от статистической интерпретации – характеризует все (без исключения[1]) науки, шедшие от фактов к теории.

Во-вторых, со времен кибернетики психологи обратили внимание на информационные процессы, а затем и на элементы семантической логики. Акцент в описании работы психики и сознания все более переносится на информацию, получаемую по каналам обратной связи. Содержание сознания наполняется значениями и смыслами. Выясняется также, что обработка информации механизмом созна-

ния происходит во многих параллельных каналах, обычно совершенно не зависимых друг от друга. (1, с. 21). В хроматизме анализируются именно информационные процессы с подразделением всей информации по известным типам обобщения и введением семантических критериев истинности при соотнесении друг с другом этих параллельных каналов.

По-видимому, под влиянием психолингвистики и постмодернизма произошло еще большее отдаление психологов от гносеологии. Сознание оперирует не стимулами и раздражителями, а значениями и смыслами (1, с. 248). Сознание постоянно трансформирует, переинтерпретирует информацию, которую осознает (1, с. 380). Сознание оперирует значениями (1, с. 211) Отсюда, для психологии стало более важным исследовать значения и смыслы, соотношения между которыми психолингвистика представила на вербальном уровне, а хроматизм согласно семантической логике цветовых универсалий- на всех уровнях обобщения. Психоаналитики сразу же уловили это различие, используя сегодня именно хроматические соотношения (2, 16, 19).

Психологи же, обратившиеся к психолингвистике, пытаются использовать лингвистический закон (гласящий, что каждый знак – и синоним, и омоним одновременно). (1, с. 445). Однако для «сознания» этот закон оказывается неработоспособным, поскольку опирается на следующее определение. значением любого знака (стимула) может быть все что угодно, кроме самого этого знака. Обратим внимание, что – в отличие от слова – для цвета (как невербализуемого перцепта, который по каналам обратной связи согласовывается со стимулом) это положение, по-видимому, не может быть доказано никогда, а опровергнуто может быть достаточно просто. Это связано с тем, что цветовой перцепт в качестве образ-концепта является идеальным знаком хранящейся информации и в то же время собственным, принципиально неотделимым от себя информативным (контекстно-зависимым) значением этого идеального. Пренебрегать этим достижением культуры, то есть отделить информацию от ее собственного значения это значит – уничтожить и то, и другое. Да и сами лингвисты уже обратились к методологии хроматизма для семантического анализа этого положения (6).

В принципе, психология изучает душу человека, то есть по существу – онтологически идеальное явление. С позиций системно-функционального подхода это явление представляет собой открытую саморазвивающуюся систему. Для анализа таких систем в хроматизме принято использовать их информационные модели, то есть упрощающие, «идеализирующие» и одновременно оставляющие характеристическую информацию. «Основная задача узнающей системы – перестать обращать внимание на несущественные для данной задачи обстоятельства.», - как говорит М.М. Бонгард (1, с. 441). В психологии же еще нередко обращается внимание на все обстоятельства (физическое, биологическое..., социальное) независимо от планов их анализа.

В связи с этим вернемся к смыслу слов обработка информации механизмом сознания. В хроматизме объясняются функциональные свойства «сознания», но не его механизмы как несущественные для функций. Да, собственно, и психология как наука о душе в основе своей является наукой, изучающей прежде всего субъективное, идеальное. Механизмы же взаимодействия сфер идеального (до разработки его строгой модели в психологии), на наш взгляд, могут представлять интерес скорее для мистики, чем для науки. В хроматизме поэтому проведен анализ именно функций цвета как идеального в «сознании». Казалось бы, эта близость должна вести к решению обеих задач в психологии – к объяснению и функций «сознания», и взаимодействия цвета и человека. Вместе с тем, если цвет имеет материальное воплощение – окраску, то выбор цветовых стимулов испытуемым остается субъективным именно в силу идеального характера цветового перцепта. Этим, в частности, объясняется безуспешность попыток психологического определения цвета (см., к примеру, определения П.В.Яньшина в монографиях 1996 и 2001 гг.).

Следовательно, для создания теории имеет значение нечто объективное (но никак не статистическое), некое идеальное свойство «субъективности сознания». В хроматизме этим свойством характеризовались цветовые каноны, где объективирована именно идеализация субъективного в целях оптимального воспроизводства человека.

И, наконец, в третьих. Как нам кажется, отсутствие общепризнанной психологической теории «сознания» вызывалось не столько индивидуальным (не воспроизводимым) характером объектов исследования, сколько «гуманитарно-полисемантичной» терминологией исследователей, правомерность которой в науке далеко не очевидна.

Термины только тогда становятся теоретическими, когда они включены в теорию. В психологии же слова обычно используются строго в том же смысле, что и в обыденной жизни (1, с. 28). Однако, если в обыденной жизни мы услышим «он потерял сознание», то никакого противоречия не будет – «он перестал что-либо осознавать». В психологии же эта фраза может интерпретироваться достаточно широко: Даже ключевое понятие психологической науки – сознание – имеет едва ли не сотню разных и противоречащих друг другу значений (1, с. 29).

И психологи это прекрасно сознают. Если ключевое понятие – сознание – плохо определено, то тем хуже будут определены любые другие базовые психологические понятия. Поэтому в психологии вообще нет ясных и общепринятых определений психики, эмоций, памяти, интуиции, личности (1, с. 31)

Вероятно, это связано и с тем, что психология традиционно использовала терминологию философии: Психологи и философы всегда подчеркивали: сознание субъективно (1, с. 20). В сознании отражается(оба термина гносеологии – Н.С.) только часть того, что в целом дано организму (1, с. 211). При этом практически никогда не проводилось четкого анализа даже двух понятий «сознание», гносеологическая и онтологическая семантика которых, как известно, абсолютно неравноценна.

Хроматический тезаурус в этом смысле является более однозначным и непротиворечивым. Для примера рассмотрим хроматический анализ социокультурного значения гендера. Как уже говорилось, нами используется системно-функциональная модель, основанная на динамической модели личности К.К.Платонова (11) и далее для краткости называемая «интеллектом» (лат. intellectus – «ощущение», «восприятие», «понимание»). Вслед за В.М.Аллахвердовым (1, с. 123) мы полагаем, что при подразделении содержания личности на «неделимые» составляющие элементы можно будет единообразно описать структуру любого личностного проявления. Поэтому попытаемся представить значение интеллекта для психологии на уровне его компонентов, которые могу г оптимально описывать «неделимые» составляющие элементы личности.

Вообще говоря, человек в социуме обречен на осознание своих действий. Поэтому с позиций социума первым понятием должно быть рассмотрено «сознание». В психологии, однако, термин «сознание» заимствован из гносеологии и поэтому омонимичен, противоречив и плохо определен (1, с. 245). В то же время в психоанализе и аналитической психологии он достаточно однозначен, непротиворечив и семантически определен настолько, что вполне может служить нашей модели интеллекта. Итак, под сознанием мы понимаем произвольно осознаваемые функции социальной обусловленности, вербальное мышление, принципы формально-логической переработки информации и «понимания» (в науке, философии и т.п.).

В психической сфере существуют разные блоки (инстанции), отличающиеся друг от друга уровнем осознанности... Сознание содержит не всю информацию, которую получает организм. Осознанная информация не существует без наличия неосознанной информации (ср. «смутные ощущения» Титченера, «обертоны» Джеймса, «отрицательные ощущения» Фехнера, «фон» гештальтистов и т.д.) (1, с. 247) Поэтому оставшаяся часть информации перерабатывается в подсознании и бессознании.

Подсознание определяется неосознаваемыми и/или частично (в инсайте, к примеру, непроизвольно) осознаваемыми функциями культурной обусловленности, образно-логических операций и «восприятия» (в искусстве, творчестве и т.п.), а также эстетического (внепрагматического) восприятия, творчества, игры и т.п.

Бессознание включает в себя принципиально неосознаваемые функции природной обусловленности «ощущений» (цветовые феномены ВНС, аффектов и т.п.) и генетического кодирования информации. Это связано с тем, что генетический фактор... оказывает влияние на сознание...Появление и нервной системы, и сознания генетически предопределено (1, с. 243).

Все это приводит нас к определению интеллекта, которое будет служить основой для его дальнейшего понимания. Итак, интеллект – это взаимообусловленная система таких функций как социальность сознания, образность подсознания и естественность бессознания.

Психология как наука о душе и/или социуме в основе своей является наукой, изучающей прежде всего субъективное, идеальное. В хроматизме же объясняются функциональные свойства этого идеального на основе анализа информационных процессов (12, ч. 3). Поэтому личность как открытая – взаимодействующая с обществом – система может быть представлена (с позиций полученной модели интеллекта) лишь при учете характера информации, циркулирующей в системе «личность – социум».

Каким образом можно выявить фукциональные проявления общества? Любое общество характеризуется прежде всего культурой, характеристическими составляющими которой можно считать науку, искусство и религию. Несложно показать, что все характеристики науки определяются функциями сознания (как компонента интеллекта - см.выше), характеристики искусства – функциями подсознания и наконец, характеристики религии – совокупностью функций под- и бессознания. При анализе же взаимодействия личности и социума психолог прежде всего должен выявить доминанты в каждой из этих систем – в системе интеллекта и в системе социума.

Так, например, маловероятно, чтобы в интеллекте человека, пришедшего за знаниями в ВУЗ, доминировало бессознание. Вместе с тем, получая весьма противоречивую картину психологических знаний, этот человек не может не включать доминанту бессознания, поскольку формальной логикой эти знания объяснены быть не могут (1). Поэтому-то нередко на экзаменах и защитах дипломов студенты и дают ответы в полном соответствии с верой в непостижимый – ни их, ни формальной логике – характер существующих знаний о психике человека.

Для анализа «гендера» как духовного – в отличие от полового (телесного) – диморфизма приведем их определения. Пол – физиологическое и юридическое (паспортное) понятие, связанное с объективированной половой ролью и первичными половыми признаками, то есть с публичным выражением половой идентичности. Гендер – принципиаль-

но психологическое понятие, связанное прежде всего с социокультурной ролью и лишь репрезентативно - с половой идентичностью, то есть с субъективным переживанием половой роли.

По нашей оценке, количественное соответствие пола гендеру составляет не менее 80 ± 5 % индивидов каждого пола. Так, мужчины и маскулинные женщины завышают оценку своих знаний, женщины же и феминные мужчины – занижают. Все определяется соотношением доминант интеллекта, так как личность человека является результатом постоянно сменяющихся фаз психосексуального развития. Поэтому как женский интеллект в определенных стадиях развития проходит через этапы доминирования «мужских», так и мужской - «женских» компонентов, которые в хроматизме моделируются определенными цветами, канонизированными мировой культурой.

В чем же заключается собственно социокультурная специфика гендерных различий интеллекта? В хроматизме сознание (как компонент интеллекта, моделируемое белым цветом) подразделяется на правосознание и самосознание. Как известно, первым при нормальных условиях жизни в большей мере характеризуются женщины, поскольку репрезентативно они более законопослушны и социализированы. Так, характерными чертами женского правосознания являются врожденное материнство, миролюбие, рассудочность, лучшая восприимчивость к воспитанию и обучению, меньшая криминогенность, лучшие вербальные способности и многое другое. Самосознание же определяется приобретенной от социума «Я-концепцией», достоверно характеризующей мужчин, имеющих ярко выраженные черты повышенной самооценки, самоконтроля, самопознания и т.п. Кроме того, мужчина достоверно чаще женщин компетентен, властен, агрессивен, самоуверен и социально не ограничен вплоть до криминогенности.

Бессознание, передаваемое черным цветом, который непосредственно связан с непознаваемостью будущего («необузданного черного коня», по Платону, или «пугающего неизвестного», по Фромму, или «черной нитью магии», по Фрезеру и др.), по-видимому, и есть основной источник предвидения будущего, то есть антиципации. Обычно к бессознанию принято причислять интуицию, которая, как известно, большей частью характеризует женщин, в интеллекте которых, как правило, доминирует бессознание при измененных состояниях интеллекта - пифии, сивиллы, жрицы, предсказательницы, гадалки,... В нормальном состоянии у женщин доминирует сознательный компонент интеллекта в силу их оптимальной социализации.

С этих позиций у мужчины прежде всего выделяется доминанта подсознательной сферы интеллекта (хобби, охота, рыбалка, спортивные фанаты и т.п). Помимо этого, роль творческого подсознания (доминирующего обычно в интеллекте мужчин-творцов) моделируется серым цветом, соответствующим незаметности настоящего, и сводится к умению опредметить, выразить вовне, в своих произведениях архетипические характеристики бессознания в процессе творческой сублимации либидо.

При нормальных условиях, как показал наш анализ ахромных памятников мировой культуры, в женском интеллекте доминирует «природно-белое» сознание и «непознаваемо-черное» бессознание, а в мужском – «социализированно-белое» сознание и «незаметно-серое» подсознание. Итак, репрезентативно все компоненты оказались связанными с хроматическими функциями интеллекта зависимостью от гендерных доминант.

Однако сегодня можно встретить любопытное мнение, которое совершенно не считается с различными условиями существования человека. Так, например, говорят, что ввиду различных условий существования и развития одни и те же цвета в различных культурах символизируют различные, а бывает, и противоположные явления. И поэтому нельзя свести воедино исторически сложившиеся у многих народов системы цветовой символики. Обычно для подтверждения этого мнения приводятся цвета траура: белый на Востоке и черный на Западе.

Для разрешения этого «противоречия» вернемся к семантике гендера и ахромных цветов. Как показано выше, мужчина практически всегда существует в сером. Поэтому речь здесь идет о траурных одеждах женщин. Как уже говорилось, на Западе женщины обычно носят белые одежды («Женщина в белом» и т.п.), тогда как на Востоке – черные (черные мандилы у хевсурок, черные покрывала (буибуи) у кениек и т.п.). В трауре же, как и в любых других экстремальных условиях жизни, женщины одевают черное на Западе и белое на Востоке. Итак, во всех случаях женщина оказывается правой и белый и черный цвета являются женскими - цветами женственной ИНЬ. И женщина лишь выбирает цвет экстремального состояния ее интеллекта, который всегда был, есть и будет дополнительным к цвету ее обычных условий существования.

Это позволяет вернуться к понятию личностного смысла гендера и его биосоциокультурному значению для общества. По данным Р.М. Фрумкиной (17, с. 19), статус цветообозначений в науке сопоставим лишь со статусом терминов родства, что позволило нам предположить системно-функциональную взаимосвязь родства (продолжения рода) и концептов цвета, которые равнозначно канонизировались всеми традиционными культурами. Многотысячелетняя воспроизводимость гендерной семантики цветовых канонов по существу являлась объективацией субъективных проявлений интеллекта. С одной стороны, это показывало, что канонизировались личностно-ценностные архетипические (глу-

бинно значимые, связанные с выживанием вида) гендерные параметры оптимизации выбора брачных партнеров. С другой стороны, эти же каноны воспроизводились традиционными культурами в целях оптимизации репродуктивной функции, важнейшим условием выполнения которой являлось физическое и психическое здоровье будущих детей с последующей возможностью их обучения и социализации.

Очевидно, эти условия полностью могли выполняться только при адекватном выборе друг другом потенциальных партнеров, что предполагало их «любовь» как хроматическую взаимосвязь всех компонентов обоих интеллектов друг с другом. Так, например, феминнный мужчина, согласно цветовым канонам, выбирал маскулинную женщину, которая выбирала его, поскольку этим создавалась гомеостатически-устойчивая динамическая система взаимодействия всех компонентов их интеллектов, как это моделируется на цветовом теле по закону гармонии Гете-Оствальда. Аналогично феминнная женщина выбирала мужчину и т.д. и т.п.

Положим, этот выбор был детерминирован гендерными характеристиками партнеров и создавал оптимальную систему. Тогда возникала и культурная потребность в канонизации качественных свойств гендера в цветовых (не ограниченно-вербальных, а идеально-психологических) концептах. На этом выборе эмпатически мог сказываться и предметный цвет (раскрасок, одежд, предпочтений и т.п.) как маркер гендерного концепта цвета, который моделировал партнерам основные компоненты интеллектов друг друга в целях создания прочных связей, то есть взаимообусловленного выживания индивидов (оптимальная рекреация обоих партнеров) и воспроизводства вида (всесторонне здорового потомства).

В хроматизме обобщение по цвету принято соотносить с понятием «цветового кодирования». Представим три основных цветовых кода, каждый из которых связан с определенным компонентом интеллекта, определяющим информационное наполнение архетипов, которые по К. Юнгу выражаются во всеобщих, априорных, психических и поведенческих программах коллективного бессознательного.

Во-первых, упомянутый выше принцип метамеризации светоцветовой информации позволяет сделать вывод о начальной стадии кодирования цвета уже на уровне бессознания и, в частности, сетчатки глаза. В психофизике до сих пор это свойство бессознания считается «недоработкой природы», «неадекватной реакцией механизмов цветового зрения», «дефектом цветоощущения» и т.п. В хроматизме же это свойство выделено как стадия первичной обработки, систематизации, обобщения и хранения цветовой информации внешней среды.

Бессознание и обеспечивает такое кодирование информации внешней среды, которое, по-видимому, оказывается адекватным пропускной способности интеллекта и, в частности, конечному числу архетипов, на которое указывал Юнг. В связи с этим можно предположить, что число метамеров, в которых кодируется информация внешней среды, должно быть сравнимо с числом архетипов.

Последние характеризуют коллективное бессознательное данной культуры, то есть по Юнгу особую форму общественного существования бессознательного как накопителя, хранителя и носителя генетически наследуемого опыта филогенетического развития человечества. Соответственно, бессознание типических индивидов этой культуры проявляется как форма и способ связи наследуемых бессознательных первичных человеческих первообразов (Юнг).

Во-вторых, принцип творческого мышления предполагает уход интеллекта от рациональности, от сознательного вида мышления, поскольку общепринято положение, согласно которому в инсайте чувственно-образный уровень обобщения не обязательно согласуется с формально-логическим. Это связано с тем, в частности, что в теории творчества деятельность сознания (как компонента интеллекта) считается исключительно конечным этапом творения. Началом же принято считать неосознаваемые процессы ("сновидное состояние", озарение и т.п.) логика которых, как правило, не вписывается в рамки формальной логики научного мышления.

Иначе говоря, информация внешней среды, закодированная в виде метамеров, передается из бессознания в подсознание. Этот процесс осуществляется практически также, как и процесс сублимации, то есть путем преобразования энергии-информации метамеров бессознания в более социализированное подсознание. В результате этого процесса образуется сублимат, то есть неосознаваемый образ в виде беспредметного (строго говоря, апертурного) цвета.

Как оказалось, в различнейших семьях языков зрительные образы определенного числа апертурных цветов подобны зрительным образам, хранящимся в памяти. Очевидно, это свидетельствует о более легкой активизации последних в ответ на воспринимаемые характеристики стимулов и о меньшей подверженности искажениям, которые могут быть вызваны вербализацией «ответных цветов».

Эти апертурные цвета были названы «фокусными» в силу того, что запоминаются лучше и точнее других даже теми испытуемыми, в языке которых отсутствуют данные цветообозначения. Практически во всех культурах число фокусных цветов оказалось равным 9 ± 2, что вполне согласуется с количеством архетипов, о которых говорил К.Г.Юнг. Поскольку в процессе узнавания фокусных цветов зрительный перебор участвует отдельно от вербального, то это также свидетельствует об ограниченном числе архетипов как неосознаваемых и, в частности, невербализованных образов коллективного бессознательного.

Таким образом, сублимация как процесс преобразования бессознательной энергии-информации в подсознательную или перевод метамерных цветов в апертурные заканчивается образованием сублиматов, то есть хроматической характеристикой архетипа, которая позволяет выявить его смысл и значение в коллективном бессознательном по семантике цветовых канонов.

И, наконец, в-третьих, абстракция цветообозначения как процесс отвлечения от «конкретного» цвета относится прежде всего к научному мышлению, то есть определяется его формально-логической выводимостью чистым сознанием (рацио) исключительно на понятийном уровне. Абстракт же, как результат указанного вида мышления, ограничен характерным отрывом опосредующих связей ее компонентов от конкретного, от историчности, что обуславливает «умерщвляющую все живое» схематичность и/или «схоластическую абсолютизацию» формально-логических связей, не имеющих реального представительства в окружающем мире.

И в этом смысле апертурные цвета в большей мере передают семантическое наполнение архетипов, чем их вербальные обозначения. Вместе с тем, последние в Западной культуре – на уровне обожествления Слова (Иоанн 1: 1) могут обеспечивать понимание мира, внутреннее единство, взаимосвязь человеческой культуры и взаимопонимание людей, о которых писал К. Юнг (9, с. 159).

В таблице 1 показано, как изменяется предметный цвет (слева направо по трем нижним строкам) в зависимости от компонента интеллекта, приведенного в правом столбце; графа «Уровень обобщения» включает в себя результат кодирования и носитель долговременной памяти данного предмета. Как следует из таблицы, на уровне под- и бессознания результатом кодирования является архетип, который, в свою очередь, подразделяется на сублимат (как результат кодирования информации в подсознании) и метамер (в бессознании).

Таблица 1.

Цветовые коды интеллекта

Предмет	Обобщение		Уровень обобщения интеллекта			
(вид)	Процесс	(род)	Результат (код)		Носитель кода	Компонент
красное, желтое…	абстракция	имя цвета	слово	абстракт	цветообозначение	сознание
кровь, огонь, ягоды…	сублимация	красное	архетип	сублимат	апертурный цвет	подсознание
спектр солнца, огня..	метамеризация	желтое	архетип	метамер	метамерный цвет	бессознание

Поэтому указанные виды обобщения в их строгом понимании должны определяться никак не принципом исключенного третьего (или/или), а принципом функционирования естественного интеллекта (и/и) с выявлением доминант интеллекта, определяющих вклад каждого из компонентов в данный цветовой код.

Таблица 2.

Канонизированная семантика архетипической модели интеллекта

Цвет	Каноны-Гендер (f-m)		Традиционные культуры	Род	Среда	Логика	Время	План
Б	Инь, традиции, прошлое	f	Китай, Египет, Шумер	мать	социум	формальная	прошлое	M-
Сер	К+З, незаметность творца	m	Египет, Китай, Шумер	отец	культура	образная	настоящее	Id-
Ч	Инь, рождение, будущее	f	Китай, Египет, Израиль	дети	природа	«генетическая»	будущее	S-
1 К	Ян, тела богов и воинов	m	Китай, Египет, Индия	бессознание, активность			$\Delta t>>0$	S_m
2 О	К+Ж, совместный, общий	n	Индия, Египет, Майа	питание, физическое развитие			$\Delta t>0$	S_n
3 Ж	Инь, тела богинь и женщин	f	Китай, Египет, Крит	бессознание, облеченная в солнце			$\Delta t\sim0$	S_f
4 З	Осирис, Ян, знамя Магомета	m	Египет, Китай, Ислам	самосознание, Я-концепция			$\Delta t?0$	M_m
5 Г	Инь, «сердца дев», богини	f	Китай, Инки, Египет	подсознание, дамские романы			$\Delta t<0$	Id_f
6 С	Г+Ф, совместный, общий	n	Шумер, Египет, Индия	религиозность, работа, отдых			$\Delta t<0$	Id_n
7 Ф	Вишну, Кришна, Лель	m	Индия, Тибет, Россия	подсознание, эстетство, творчество			$\Delta t\sim0$	Id_m
8 П	София, Анна, Дева Мария	f	Иудея, Византия, Россия	право-и сверх-сознание (интуиция)			$\Delta t\sim0$	M_f

В заключение обобщим полученные в хроматизме данные (12):

Примечания к таблице 2:

В первом столбце приведены первые буквы цветообозначений: Б — белый, Сер — серый, Ч — черный, К — красный, О — оранжевый, Ж — желтый и т. д.. Экстрасенсы отмечают любопытную вещь: все нечетные (1, 3, 5, 7) поля человека структурированы, а четные представляются как бы флюидоподобными. Выше мы уже убедились в том, что все цвета нечетных полей связаны с полоролевым соотнесением человека, то есть с гендером, а четных — лишь с общечеловеческими функциями (религия, питание, отдых). Иначе говоря, основными элементами интеллекта можно считать бессознание и подсознание, а производными — самосознание (зеленый) и сверхсознание (пурпурный).

Во втором столбце приведены основные каноны, в правой половине этого столбца буквы f и m означают гендерный характер, то есть женственность (фемининность) и мужественность (маскулинность) соответствующих канонов. Буква n соответствует гендерной нейтральности (обоеполости) данных канонов.

В третьем столбце указаны культуры, в которых отмечены наиболее характерные каноны второго столбца.

В четвертом — шестом столбцах приведена семантика цветовых канонов: для ахромных цветов — релевантные объекты и/или области моделирования, и для полихромных — основные функции интеллекта.

В седьмом столбце для ахромных цветов приведены периоды времен, и для полихромных - различие между астрономическим и психологическим временем в зависимости от гендера. Так, из экспериментов следует, что теплая область спектра (К, О и Ж цвета) является активной и вызывает увеличение разности Δ между психологическим и физическим (астрономическим) временем $\Delta t > 0$. Холодная же область спектра (Г, С и Ф цвета) во многом обладает тормозными свойствами и психологическое время замедляется $\Delta t < 0$.

Наконец, в восьмом столбце указаны хром-планы: без нижних индексов они передают семантику ахромных цветов, тогда как планы с нижними индексами – полихромных: g — gender — социо-культурный пол, включающий доминанты фемининных (f — feminine) и маскулинных (m — masculine) свойств, равенство и/или сумма которых образует доминанту андрогина (n — neutral).

Задача подразделения интеллекта на «атомарные» компоненты была сформулирована еще Платоном в «Федре». В XX веке З. Фрейд и К. Юнг детализировали ее введением гипотетических инстанций, которые в конце века нашли свою динамическую локализацию в определенных отделах ЦНС, то есть из разряда метафизических перешли в научную категорию компонентов интеллекта, изучаемых на опыте. В АМИ эти компоненты семантически связаны с подразделением индивидов по гендеру (психологитческому полу) и одновременно – с определенными цветами, которые канонизировались мировой культурой.

Согласно данной постановке проблемы оказалось необходимым экспериментально выявить связь гендерного распределения «атомарных» компонентов АМИ с предпочтительными цветами. Отсюда вытекала и основная цель исследования: подтвердить (или опровергнуть) связь идеального (чувств цветового концепта) с материальным, то есть с опредмеченным в словах тестов, с одной стороны, и в окрасках стимульных образцов, а также в вербальных цветообозначениях, с другой.

В предварительных исследованиях нами отмечалось, что на выбор предпочтительных цветов оказывали определенное влияние не только возраст и цвет наличной одежды, но также и различные фазы месячного цикла женщин. Так, например, в предменструальной фазе существенно увеличивался выбор маскулинных цветов, что, возможно, объяснялось увеличением концентрации тестостерона. Поэтому в анкетах требовалось введение таких «физиологических» данных как «день цикла» для женщин. В соответствии с билатеральным разнесением компонентов АМИ (вербализация М-плана – левое полушарие головного мозга, визуализация Ид-плана – правое) в анкету был введен пункт «правша - левша», а также и «наличие дальтонизма».

Вопросы вербального теста АМИ первоначально формулировались нами по принципу 5 шкалы MMPI с учетом комментариев Л.Н.Собчик (15). Вместе с тем «многоатомная» неоднозначность большинства из них показала, что необходимо было более четко представить каждый компонент АМИ с разнесением по гендеру (f-m), а также по андрогинности для компонентов (n), включающих, к примеру, эстетику цветовосприятия. При разработке теста мы основывались на рекомендациях Л.В.Куликова (5).

Таким образом, на опыте должна была проявиться идентификация атомарных компонентов АМИ, которые определялись бы с совершенно различных позиций. Так, с одной стороны, она могла проводиться по выбору предпочтительных цветов в визуальном хром-тесте и тесте Люшера, а также в вербальном хром-тесте. С другой стороны, этот же результат должен был проявиться при ответах на "бесцветные" тест-вопросы вербальных тестов MMPI и АМИ. Иначе говоря, в идеальном случает все 4 теста должны были привести к выбору одних и тех же компонентов интеллекта каждым испытуемым. С учетом закономерности П.В. Яньшина (19), которую анализировала Л.Н. Собчик (14), в хром-тестах отмечались также отвергаемые цвета. Согласно указанной тенденции, они должны были найти свое подтвержде-

Дата (цифрами): . . 200 г.

ФИО (полностью)

Возраст____ лет Правша – левша (подчеркнуть)

Для женщин: день цикла: ; (беременная, кормящая – подчеркнуть).

Наличие дальтонизма (да, нет, сомневаюсь – подчеркнуть)

1. Тест АМИ.

• Обозначить в столбце с номером положительный ответ (согласие) знаком умножения «х» и отрицательный – прочерком «–» .

• Соседние пустые столбцы использовать для последующей обработки.

1		5		9		13	
2		6		10		14	
3		7		11		15	
4		8		12		16	

2. Визуальный выбор по стимульным образцам.

• Выбрать в цветовом круге три сектора (не сегмента) с нравящимися и три с отвергаемыми цветами.

• Обозначить их первыми буквами цветообозначений, которые указаны по периметру цветового круга.

• Аналогично выбрать на ахромной шкале один нравящийся и один отвергаемый квадрат и обозначить их номерами квадратов.

Порядок предпочтений	Предпочтительный (цветообозначение)	Отвергаемый (цветообозначение)
1.(больше всего)		
2. (менее)		
3. (еще менее)		
№ ахромного цвета		

3. Выбор апертурных и предметных цветов по цветообозначениям

• Закрыть листом бумаги таблицу по п. 2.

Цветообозначения		Апертурные цвета*)		Желаемый цвет	Цвет одежд на себе
Полихромные		+	-	одежд на себе**)	в данный момент**)
Красный	К				
Оранжевый	О				
Желтый	Ж				
Зеленый	З				
Голубой	Г				
Синий	С				
Фиолетовый	Ф				
Пурпурный	П				
Ахромные					
Белый	Б				
Серый	Сер				
Черный	Ч				

ние и в отвергаемых вопросах вербального теста АМИ.

Стимульные таблицы визуального хром-теста опубликованы нами в "Светоцветовой терапии" (2001, 2002). Рабочий вариант анкеты с вербальным хром-тестом и тестом АМИ приводится ниже.

*) Только для этой графы отметить номерами: отдельно среди полихромных

в столбце «+» 1 – больше всех нравится, 2 – менее и 3 – еще менее предпочтительный;

в столбце «–» 1 – больше всех не нравится, 2 – менее и 3 – тоже не нравится.

Среди трех ахромных выбрать один нравящийся («+») и один не нравящийся («–»).

**) Знаком «+» указать цвет верхнего (видимого) и через дробь (/) – нижнего белья.

Тест АМИ.

1. Иногда я опаздываю на занятия.
2. Люблю читать научно-техническую литературу.
3. Думаю, мне понравилась бы работа библиотекаря.
4. Меня не интересует мнение большинства.
5. Главным в любви я считаю духовное влечение.
6. Я люблю учиться.
7. Меня не тревожат ушибы на моем теле.
8. Я с удовольствием трачу время и силы, чтобы приготовить и вкусно поесть.
9. Люблю гулять в одиночестве по темным улицам.
10. Я всегда прихожу вувремя на встречу с кем-либо.
11. Я с трудом засыпаю.
12. Мне хотелось бы участвовать в охоте, чтобы убивать животных.
13. В любви я считаю важным телесное влечение.
14. Обычно я с трудом просыпаюсь и плохо соображаю в этот момент.

Ключ к тесту АМИ с доминантами и их канонизированными цветами:

1. Id(f) - Г	2. M(m) - З	3 Id(f) – Г	4. Id(m) – Ф	5. Id(n) – С	6. M(f) – П	7. S(m) – К	8 S(n) - О
9. S(m) - К	10. M(m) – З	11 M(f) – П	12 Id(m) - Ф	13 S(n) – О	14 S(f) – Ж	15 S(f) - Ж	16 Id(n) – С

15. Ежедневно я ухаживаю за своим телом.
16. Люблю ходить в театр, музеи, на выставки и т.д.

Основной контингент испытуемых составляли студенты СПбГИП и СР (152 женщины и 18 мужчин в возрасте 20-25 лет); преимущественно правши с нормальным цветовым зрением.

Полученные результаты мы считаем предварительными. Поэтому приводим лишь качественную оценку достоверности для закономерностей , установленных в опыте.

1. Тест MMPI в силу семантической многозначности для компонентов интеллекта мог интерпретироваться так, что достоверность для триады могла достигать практически 80%. При однозначной же фиксации каждого тест вопроса MMPI (для выявления доминирующего компонента) триада стимульных цветов, выбранных предпочтительными, с достоверностью 60-65% соответствовала выбору цветовой триады компонентов интеллекта по вербальным тестам и тесту АМИ. Исключения составлял голубой (отсутствующий в тесте Люшера) и пурпурный (объединенный в тесте Люшера совместно с фиолетовым).

2. С достоверностью 75-80% совпадали 2 цвета и с достоверностью 85-90% совпадал 1 цвет с соответствующим компонентом интеллекта по тесту АМИ.

3. Как мы и предполагали, в конце месячного цикла у женщин нередко встечалось определенное смещение выбора цветов, а также отсутствие корреляции с 5 шкалой MMPI. По тесту АМИ эти расхождения наблюдались значительно реже.

4. За исключением 4 вопросов все остальные пункты 5 шкалы MMPI оказались многозначными. К примеру положительныйответ на 92 вопрос мог интерпретироваться как доминанта и женственного бессознания S(f), и/или женственного сознания M(f).

5. Практически все вопросы теста АМИ показали однозначное соответствие с компонентами интеллекта и предпочтительными цветами в пределах указанной в пп.1-2 достоверности.

Несмотря на предварительный характер, полученные результаты включены нами в базы данных для последующей количественной обработки. Как показал данный этап исследования, визуальный и вербальный выборы предпочтительных цветов оказались практически тождественными АМИ-тесту и частично 5 шкале MMPI. Это позволило нам, если можно так сказать экспериментально верифицировать объективный характер АМИ в пределах вышеприведенной достоверности.

В частности, можно отметить, что при так называемом «затруднительном» выборе («все цвета

одинаково нравятся») первый предпочтительный цвет визуального теста часто не совпадал с 5 шкалой MMPI и тестом АМИ, тогда как второй и третий цвета в преобладающем большинстве случаев совпадали.

Как и предполагалось, цвет наличной одежды влиял не только на выбор предпочтительных цветов, но и на результаты по вербальным тестам АМИ и MMPI. Это влияние наблюдалось в основном у женщин в предовуляционной фазе цикла и у фемининных мужчин

Визуальный хром-тест, в отличие от теста Люшера, включал значимое количество фокусных цветов без их смешения, к примеру в №2 (сине-зеленый) и №5 (фиолетовый), что дало проекцию на более детальную картину функционального подразделения интеллекта на атомарные компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. - СПб, ДНК, 2000.
2. Бреслав Г.Э. Цветопсихология. - СПб, Б&К, 2000.
3. Кон И.С. Введение в сексологию. - М. Медицина, 1990
4. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. - М., Наука, 1977.
5. Куликов Л.В. Психологическое исследование. - СПб, Речь, 2001.
6. Кульшина В.Г. Лингвистика цвета. - М., МГУ, 2001.
7. Лунин И.И., Старовойтова Г.В. Исследование родительских полоролевых установок.// Этнические стереотипы мужского и женского поведения. - СПб, Наука, 1991.
8. Николаева В.В., Арина Г.А. Клинико-психологические проблемы психологии телесности.// Психолог. Журн., 2003, Т.24, №1, с.119-126.
9. Овчаренко В.И. Психоаналитический глоссарий. - Минск, ВШ, 1994.
10. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. - М., Наука, 1969.
11. Платонов К.К. Личность и труд. - М., Наука, 1965.
12. Серов Н.В. Светоцветовая терапия. - СПб, Речь, 2001.
13. Смекал В. Личность.//Й.Шванцара и др. Диагностика психического развития. - Прага, Авиценна, 1978.
14. Собчик Л.Н. МЦВ – метод цветовых выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. - СПб, Речь, 2001.
15. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ (MMPI). - СПб, Речь, 2000.
16. Ульяновский А.В. Мифодизайн рекламы. - СПб, Петрополь, 1995.
17. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. - М., Наука, 1984.
18. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. - СПб, Питер, 2002.
19. Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвета. - Самара, СамГПУ, 2001.

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
к.пс.н., доцент. кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ОБРАЗЕ ПЕТЕРБУРГА И В СОЗНАНИИ ГОРОЖАН

АННОТАЦИЯ: *Развитие Северо-Западного региона и Петербурга невозможно без наличия определенного плана Данный план неминуемо должен включать образ ожидаемого будущего как образ цели Сегодняшняя ситуация в регионе характеризуется отсутствием ярко выраженного политического субъекта власти, имеющего внятную концепцию будущего Санкт-Петербурга Анализу картин возможного направления развития города посвящена данная статья.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *психологическое время, облик Санкт-Петербурга, информационное сгущение, временная перспектива.*

Категория времени является одной из ключевых составляющих в картине мира современного человека. Психология и культурология наработали определенный багаж в анализе ведущего временного мотива как отдельной личности, так и социальных групп, эпох, культур. Имплицитная картина мира индивидов и групп традиционно строится по законам и категориям народной сказки. Поскольку русский этнос является в России государствообразующим, анализ категории времени в сознании горожан в большинстве работ строился на материалах русских народных сказок. Основываясь на этих работах можно высказать ряд тезисов.

Создаваемый Петром Великим как исключительно устремленный в будущее, город на сегодня утратил свою временную перспективу. Ни на уровне властей, ни на уровне интеллектуальной элиты, ни на уровне обыденного сознания горожан нет четкого и ясного представления о том, какое же время наиболее важно для города: прошлое, настоящее или будущее. Более того, противоречивые интересы различных групп промышленников и предпринимателей приводят к тому, что в информационном пространстве, особенно в зарубежном информационном пространстве, начинают доминировать облики Петербурга взаимно противоречащие друг другу и друг друга взаимно исключающие. Так, если туристический бизнес продает образ города как "прошлое в настоящем", то реставраторы заинтересованы скорее в "прошлом в будущем" и так далее. Эта размытость, нечеткость в аксиологической нагруженности образа Санкт-Петербурга приводит между тем к определенным негативным последствиям, поскольку снижает инвестиционную привлекательность региона. Отсутствие временной перспективы города становится особенно опасным в свете идущих в городе демографических процессов, когда коренное русское население, приобщенное к ценностям еще дореволюционной культуры, замещается пришлым населением, прибывающим из сельскохозяйственных регионов и не имеющим опыта проживания в городах вообще, и в мегаполисах, в частности. Следует также учесть и то обстоятельство, что замещающий поток населения воспитан в ценностях иных культур, в том числе и тех, которые настроены воинственно антихристиански, воинственно антизападно. Всё это грозит разрывом временной связи поколений, живших и живущих в Петербурге и превращением города в культурный субстрат для иных этносов, культур, ценностей. Что же касается имеющихся культурных достижений, то велика вероятность их безвозвратной утраты.

Доминирующими партиями в политическом пространстве сегодняшней России выступают: КПРФ, Единство, СПС и Яблоко. Между тем в их подходе к образу города так же существует определенное противоречие, хотя общими для всех являются мотивы возвращения в «золотой век». В этом стремлении вернуться в однажды утраченное отчетливо видна тяга отечественных политических партий к мифологическому сознанию. Именно для последнего характерны мотивы «утраченного рая», как, впрочем, и мотив «отвергнутого героя». Понятно, что на роль последнего, в зависимости от идеологических симпатий, приглашаются очень разные персонажи отечественной и мировой истории. Коммунистическое движение, КПРФ и РКРП, хотя и представленное в городе слабее, чем по России в целом, устойчиво набирает симпатии 12-15 % горожан. Для него город – «колыбель Октябрьской Революции» и временная перспектива состоит в переносе прошлого в будущее. При этом не предлагается и, видимо, не предполагается

коррекция постулатов марксизма к реалиям общества постиндустриальной эпохи, что заведомо ограничивает число сторонников левой идеи. Механистичный перенос прошлого в будущее невозможен, к тому же речь идет о мифологизированном прошлом. (Заметим, что ни одна из российских партий так и не освободилась от тяги к мифологемам и абстрактным конструкциям.) «Единство», как партия правящего чиновничества и функционеров, подчеркнуто живет настоящим и крайне сдержанно говорит о будущем. Последнее объясняется спецификой рядов партии, собравшей прежде всего исполнителей и испытывающей острый дефицит творцов и ярких личностей.. СПС повторяет маневр своих антагонистов с левого фланга и переносит прошлое, только более далекое, чем 1917 год, в будущее. Не случайно, главный идеолог этой партии, Анатолий Чубайс всё чаще и чаще говорит о России как о либеральной империи. Империи же, как мы знаем из истории, невозможны без отсылок на «героическое великое прошлое». Вместе с тем, в подходе СПС, как и "Яблока" присутствуют тенденции переноса чужого идеализированного прошлого в наше будущее, хотя последнее более характерно для «Яблока», как партии, заинтересованной в переносе американской модели государства и общества на российскую почву. Эти партии, вместе взятые, обычно имеют поддержку 20-25 % горожан, что также является симптоматичным. Впрочем, цифры эти могут и измениться по итогам Думских выборов в декабре 2003 года.

Религиозная картина Санкт-Петербурга всегда была достаточно пестрой. Тем не менее, православие надо признать доминирующей системой веры у горожан. Временная же перспектива православия также характеризуется обращенностью прежде всего в прошлое, что подчеркивается архаикой ритуалов и традиций. Грядущее же, о котором много говорит христианство вообще, рассматривается исключительно как ожившее, реализованное прошлое. Настоящее предстает скорее как временное, как эфемерное, ненастоящее и ненадежное. Популяризация православия средствами телевидения и тенденции превращения его в почти государственную религию будут только усиливать интерес к прошлому в имплицитной картине мира у горожан. К числу других вариантов христианства следует отнести старообрядчество, католицизм, протестантизм, армянское и грузинское православие. И если традиционные для России церкви, так или иначе, близки присущему православию обращению в прошлое, то пришедшие с Запада католицизм и, особенно, протестантизм больше обращены в настоящее. Следует признать, что значительная часть отечественной интеллигенции, прежде всего гуманитарии, оказались подвержены «западной прелести» и обращаются в своих духовных поисках к данным вариантам христианства. В силу сказанного, и без того смутная и невнятная временная перспектива города ещё больше размывается, становится противоречивой и взаимоисключающей. Также нарастает доля мусульманского населения среди горожан. Часть мусульман ориентируется на духовенство Санкт-Петербургской соборной мечети, однако другая часть, пусть и немногочисленная, склонна больше верить воинствующему течению в исламе. Тем самым в городе складывается нежелательная ситуация, поскольку для воинствующих исламистов характерно ожидание неопределённого идеализированного будущего, для построения которого они готовы уничтожить настоящее. Появившиеся в последнее время адепты неоязычества не имеют однозначной временной тенденции в силу противоречивости их взглядов. Ведущими тут являются прошлое и состояние "вне времени" (на другой планете, в подлинном мире и т.п.). При этом следует учесть неоднородность самого неоязычества, вобравшего в себя как ориентирующиеся на древнерусскую, дохристианскую, старину группы, так и приверженцев экзотических, модных, привнесённых псевдо-индуистских и псевдо-буддистских культов. Классический буддизм также представлен в городе и традиционно говорит о вечно существующем, вечно разворачивающемся «сейчас». Иудаизм, оставаясь сугубо этнической религиозной системой, не уделяет особо пристального внимания временной перспективе города, и занят скорее Иерусалимом, чем Санкт-Петербургом.

Описанная нами выше неразработанность временной картины Петербурга приводит к возникновению определенных «информационных сгущений» при подаче образа города. Под понятием «информационного сгущения» мы видим возрастание доли информации, так или иначе, повествующее о событии, историческом персонаже, литературном или фольклорном герое. Если в историческом прошлом подобное сгущение существует вокруг фигур отдельных монархов (Петр Первый, Екатерина Великая и, возникшая при правлении В.В.Путина, мода на Павла Первого) и деятелей культуры (М.В.Ломоносов, А.С.Пушкин, И.А.Крылов), то в настоящем активно педалируются образы криминальных авторитетов, реальных и вымышленных. Ещё одно информационное сгущение в настоящем существует вокруг личностей, объединён-

ных темой «петербуржцы во власти». Будущее же города в информационном пространстве представлено слабо. Особенно заметна была слабость во время празднования трёхсотлетнего юбилея города, когда много говорилось о прошлом, но скороговоркой и невнятно – о будущем. Эта недостаточная проработанность будущего способствует и благоприятствует тенденциям провинциализации образа Санкт-Петербурга, как в сознании самих горожан, так и в сознании жителей России и иностранцев. И не случайно, именно в дни юбилея города значительная часть горожан проголосовала ногами, покинув город. Более яркой демонстрации неверия в способность власть придержащих обеспечить городу достойное развитие трудно придумать нарочно.

На невнятность временной перспективы города работает и само его место в структуре и истории русской культуры. Отечественная культура относится такими авторами как Г. Триандис и Г. Хофстеде к культурам коллективистского типа (1). Для последних характерна обращенность к прошлому, интерес к нему, поскольку найти правильное решение сегодняшних проблем, с точки зрения таких культур, можно лишь в прошлом. Космополитичный и полиэтничный Петербург все же ближе к индивидуалистской культуре, где выше ценится настоящее. Кроме того, Санкт-Петербург замысливался и создавался как столица Империи, а Империи строят не на годы, а на века! Отсюда, принципиальная незавершённость проекта «Санкт-Петербург», отсюда – постоянная его открытость в будущее. Именно так было замыслено и, во многом, исполнено!

Любой город, по сути своей, это не только точка в пространстве и даже не только люди, его населяющие. Это прежде всего та миссия, которую этот и только этот город способен выполнить и выполняет на протяжении ряда веков. Именно миссия делает город уникальным, дает смысл его существованию. Определение миссии Санкт-Петербурга пока не состоялось. Не понятен путь, которым пойдет город. То ли он превратиться в город-музей и будет занят обслуживанием туристов, то ли превратиться в перевалочную базу пассажиров и грузов на маршруте Восток – Запад, то ли сосредоточится на развитии научного потенциала. Однако в любом случае, определение миссии Петербурга принципиально невозможно без ценностной нагрузки на конкретное психологическое время.

ЛИТЕРАТУРА:

1.Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию., – М., «Ключ-С»., 1999.